

ДАНТЕ

ТАТЬЯНА МИХАЛЬ

Татьяна Михаль

Данте

Серия «Криминальная любовь», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Сначала он был священником. Но отвернулся от Бога, когда убили его сестру-близнеца.

Он отомстил, но стал убийцей и опасным заключённым. Он познал все круги Ада и проклял свою душу, пока однажды один человек не помог ему начать всё заново. На свободе.

Но разве можно счастливо жить без половинки души?.. Однако в его судьбе появляется лучик света – Ангелина...

Прекрасный и нежный Ангел с дерзким характером и его жизнь вновь обретает смысл.

Ради неё он готов прогуляться в Ад или сгореть в небесах. Его зовут Данте и это его история.

Она учится на последнем курсе. Работает по вечерам в боулинг клубе, откладывает деньги, чтобы платить по счетам. Вся её жизнь расписана на много лет вперёд. Но однажды все планы рушатся, когда в её судьбе появляется прекрасный, словно ангел и греховный, будто сам дьявол мужчина со странным именем Данте.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	54
Глава 6	72
Глава 7	82
Глава 8	91
Глава 9	100
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Татьяна Михаль

Данте

Глава 1

#

– ДАНТЕ –

В реальной жизни всегда побеждает зло.

В этой истине я лично убедился.

А раз так, значит, я должен стать ещё большим злом, чтобы все прогневшие, погрязшие в грехах твари знали своё место.

Хрустнул пальцами, затем шеей и нанёс уроду новый удар. Мой кулак рассёк ему другую бровь.

Следующий удар, и я ломаю ему челюсть.

Избиение продолжается почти час.

Мудак корчится на холодном, окровавленном полу, запах его крови щекочет мои ноздри. Он уже сдался. Он молил о пощаде. Он просил прощения.

Но мне всё мало.

Гнев разъедает нутро. Ярость требует всё больше страданий и крови.

Хватаю его за волосы и заставляю смотреть в своё лицо.

– Так что ты там говорил о моей покойной сестре?

– П... хро... ссти... – хрипит он, едва проговаривая слова.

Из-за сломанной челюсти ему трудно говорить.

Разжимаю кулак, и его голова с глухим стуком падает на железобетонный пол.

– Прости? – усмехаюсь я горько. – Ты своё «прости» в жопу себе запихай.

– Данте, может, хватит? – обеспокоенно спрашивает моя шестёрка. – Он извинился. Много раз. И уже ответил за свои слова. Ты же почти убил его...

Я заморожено смотрю на тело у своих ног.

Краем глаза замечаю, как Тихарь отталкивается от стены и медленно приближается ко мне.

Он останавливается на безопасном расстоянии от меня и произносит тихо:

– Данте. Хватит. Пощади его. Пожалуйста.

«Хватит».

«Пощади».

«Пожалуйста».

Три слова в мёртвой тишине тёмного переулка.

Три слова, которые с мольбой произносили убийцы моей сестры.

Они молили простить их. Молили не убивать.

Наложили от боли и страха в штаны и рыдали, рыдали, рыдали.

Диана. Моя сестрёнка Диана. Она тоже молила остановиться. Молила своих насильников прекратить.

Ублюдков её мольбы лишь распыляли. И они принимались с ещё большим рвением терзать её тело и калечить хрупкую душу.

Смотрю на тело у своих ног и не испытываю сострадания.

Насильники и садисты никогда не испытывают сострадания к своим жертвам. С хера ли я должен сострадать им и испытывать жалость?

Достаю из кармана тюремных брюк идеальную заточку и показываю её мудаку у моих ног, что осмелился открыть своё хайло и осквернить погаными словами память моей святой сестры.

Он дрожит и поскуливает от абсолютного страха. Потрясение и агония в его глазах безошибочны. Всегда были безошибочны.

Страх в глазах моих врагов не вызывает у меня ни радости, ни злости, ни отчаяния. Ничего. Я давно перестал чувствовать что либо, кроме глухой ненависти и ярости ко всему существу.

– Услышу ещё хоть раз любое слово о своей сестре, или просто подумаешь о ней, тогда я отрежу тебе язык. Вот этой заточкой. Затем оторву яйца и затолкаю их в твою по-

ганую пасть, – я говорю спокойно, негромко, как если бы говорил в храме с людьми, спросившими у меня совета.

Взгляд урода полон ужаса. Он отчаянно кивает. Он всё, что угодно, сейчас сделает или скажет, лишь бы я оставил его в покое.

– Тихарь, его здесь называют Волком, верно?

Шестёрка кивает и произносит:

– Да. Его фамилия Волков.

Опускаюсь на корточки, глажу Волкова по ушибленной и залитой кровью голове и договариваю:

– Запоминай, Волк, я здесь заперт надолго. У меня пожизненный срок. И мне нечего терять. Абсолютно нечего. Мне глубоко срать, добавляют мне ещё один пожизненный срок, или два, да хоть десять. Поэтому благодари Тихаря, что он остановил меня, иначе я бы тебя добил. Проболтаешься кому-то обо мне – обеспечу твою печень ударом пера.

В нос ударяет запах мочи. Туши, по ошибке именуемые людьми, всегда превращаются в отвратительные куски дерма, когда смерть буквально дышит им в затылок.

Они боятся умереть. И цепляются за свою жалкую, ничтожную и бессмысленную жизнь.

– А что ему сказать, Данте? – вылупился на меня Тихарь. – Он же не просто избит, ты же искалечил его. Обе ноги сломаны, все пальцы на руках вывернуты назад. Обе руки – открытый перелом. И рожа, как в фильмах ужаса.

– Волчонок, скажешь, что оступился и неудачно упал, –

пожимаю плечами. – А если честно, мне всё равно, что скажешь. Просто помни, назовёшь моё имя – ты труп.

Убираю заточку обратно в карман, вытираю руки о протянутую Тихарем влажную тряпку.

Пальцами зачёсываю волосы назад и ухожу в свою камеру.

Менты и слова не скажут, если Волков не откроет свою пасть. А он не откроет. Ему выходить через три года. Будет молчать.

– Данте... – тихо зовёт меня Тихарь, когда мы проходим по коридору с облезлой краской и тускло мерцающим и гудящим в старых светильниках светом. – Ты здесь всего год... Но уже превращается в монстра...

Резко останавливаюсь и смотрю в блеклые глаза Тихаря.

Тощий, угловатый, вечно трясущийся от страха. Стриженный налысо. Нет двух передних зубов. Он похож на загнанного мелкого зверька, коим и был, пока я однажды не заступился за него. Теперь Тихарь – мой.

Нет, он не опущенный. Просто шестёрка, как говорят на зоне.

Сел за вооружённый грабёж. Дали пятнадцать лет. Восемь уже отсидел.

Мне не нужен был слуга. Мне никто не был нужен. Но здесь иной мир, иные правила. Раз он не мой, значит, нехер было заступаться.

Именно Тихарь ввёл меня в курс дела. Рассказал обо всех зеках. Кто, за что и как надолго сидит. Рассказал, что меня

не трогали и не трогают, так как наряду с ворами, в почёте в тюрьме и кровная месть.

Рассказал, что ко мне присматривались и ждали. Дал совет, если не хочу, чтобы ко мне совались с дебильными вопросами и провокациями, я должен делиться передачами.

И я делился тем, что матушка передавала.

Но всё же мне пришлось отстаивать собственные позиции. На зоне не переваривают слабых духом и трусливых. На любые оскорбления я отвечал и отвечаю силой.

Возможно, я хочу, чтобы меня здесь убили...

– Превращаюсь в монстра? – переспрашиваю его.

Тихарь отступает, ёжась от моего тяжёлого взгляда.

– Ладно, извини... Давай замнём? Я сказал, не подумав... – проговорил он виновато.

– А я и есть монстр, – произношу в ответ и усмехаюсь.

Жестокий. Отвратительный в своих совершённых поступках. Бессердечный. Беспощадный.

Чем я лучше убийц своей сестры?

Такой же убийца.

Раньше я был другим.

Кажется сейчас, что тогда был не я. Совершенно другой человек. Другая душа, другие мысли, желания и мечты.

В той жизни у меня был свет – Диана. Улыбчивая, сияющая своей непорочностью, наивностью и любовью ко всему миру.

Она любила саму мысль о жизни.

Она была моей половинкой. Частью моей души, моим истинным светом.

И этот свет отобрали. Втоптали в грязь, осквернили и предали страшным мукам.

«Скорби и искушения полезны человеку», и Господь посылает их нам, «Чтобы научить нас, что желающему спастись невозможно прожить жизнь без скорбей и искушений» (*Деяния 14:22*).

Видимо, я оказался слишком слаб, чтобы нести бремя прислужника Господа. Я не смог выдержать эти тяжкие испытания. Не смог простить. Не смог терпеть.

При жизни убийц моей сестры не настиг человеческий закон и суд. И я не смог вынести слёз и седины матушки и отца, что постарели за день сразу на тысячу лет.

Девять лет прошло, как я потерял сестру-близнеца, но мне кажется, будто моё сердце тогда остановилось и больше не зайдёт. Душа до сих пор громко плачет.

Я не считаю себя сильно умным. Но и дураком не являюсь. Я знаю, что очень грешен. И знаю, что до меня обязательно дойдёт Высший закон, когда закончится мой путь.

Поверь, когда в нас подлых мыслей нет,
Нам ничего не следует бояться.
Зло ближнему – вот где источник бед,
Оно и сбросит в пропасть, может статья.¹

---

¹ Данте Алигьери «Божественная комедия» Ад, Песнь вторая (*Прим. Автора*).

Вернувшись в камеру, замечаю, что сокамерники умолкли и замерли.

– Данте, а не подохерел ли ты? – рычит один из них.

Поднимаю одну бровь и спокойно спрашиваю:

– Какие-то проблемы?

– Это ты создаёшь проблемы, – цедит зек.

– Я их решаю, – отвечаю резко. – Если ты решил стать проблемой, то я быстро решу этот вопрос.

– Ты в уши мне говно не лей. Пацаны видели, как ты отметелил Волка! Менты всех нас отправят по карцерам, но сначала из каждого сделают такую же отбивную! И запрут камеру! Больше не будет свободных прогулочек! Будем сидеть в этой конуре, как и остальные! Пацаны тебе спасибо точно не скажут!

Ставлю руки на стол и склоняюсь к зеку. Смотрю в его злые глаза и произношу:

– А ты, что, в штаны уже от страха наложил?

Мужик поднимается со скрипучего стула.

– Данте, я тебя уважаю, но в последнее время ты переходишь всякие границы. Решил гниде пасть сломать – сломай. Но сделай всё так, чтобы никто не задавал вопросов. Здесь тебе не бойцовский клуб. Здесь тюрьма. Сегодня тебя никто не сдаст. Но и покрывать никто не станет. Ответишь за Волка сам.

– Их нежит небо, Или травит ад?² – усмехаюсь я. – Мне плевать на чьё-либо мнение.

Оглядываю всех мёртвым взглядом и говорю предельно просто и понятно:

– Для меня важна светлая память сестры, и никто из вас, ублюдков, не смеет её касаться. Любой, кто вякнет о ней – содохнет в луже собственной крови с распоротым брюхом.

Ярость вновь пронизывает мои внутренности, пылая знакомым огнём, который уничтожил почти всё светлое во мне, превратив душу в выжженную землю.

– Ты псих, Данте, – с жалостливой ненавистью произносит зек. – Ты здесь не просидишь и десятка лет, как тебя кончат.

Я смеюсь на его слова и говорю цитатой:

– Я не был мертв, и жив я не был тоже³ Поэтому... я буду только рад...

– Ты уже всех заебал своей одой! – рывкает другой зек.

– Ода – это торжественная песня. «Божественная комедия» Алигьери – это поэма.

Зек сплюнул.

Возможно, сейчас в камере произошла бы драка.

Но вмешался случай.

В камеру входит надзиратель и бросает небрежно:

– Данилов! На выход! К тебе посетитель!

---

² Данте Алигьери «Божественная комедия» Ад, Песнь шестая (Прим. Автора).

³ Данте Алигьери «Божественная комедия» Ад, Песнь тридцать четвёртая (Прим. Автора).

Бросаю предупреждающий взгляд на сокамерников и следую за надзирателем.

Перед выходом из блока, он надевает на меня наручники и ведёт в зал свиданий.

Кто мог ко мне прийти – не знаю.

Для приезда матушки и отца – слишком рано. Мне позволено видеться с ними лишь раз в месяц.

Кроме них, я никого не жду. И никто не придёт.

После обвинения в убийстве, от меня отвернулись все – церковь, друзья, родственники. Остались только мать да отец.

Меня привели в серое, безликое помещение.

Занял место на неудобном твёрдом стуле.

Охранник перестегнул на мне наручники – приковал их к столу.

Да, особо опасные преступники не имеют возможности нормально общаться с гостями.

Охранник вышел, оставив меня одного.

Это что-то новенькое.

Охрана никогда не покидает комнату свидания. Один всегда стоит на посту.

Я замер, ожидая дальнейшего развития событий. Ждать пришлось недолго.

Открылась дверь напротив, и в помещение вошёл незнакомец.

Высокий мужчина. Его крупная фигура облачена во всё

чёрное от кончиков элегантных туфель до идеально скроенного костюма, подчёркивающего широкие плечи.

На крепком запястье – дорогие часы.

Этот человек не выглядел представителем закона. Это был не адвокат. Не прокурор, не мент, даже не судья.

Он выглядел как человек, прекрасно знающий, что такое криминал.

Он выглядел как криминальный авторитет.

Он без спешки опустил на стул напротив, внимательно глядя мне в глаза.

Его лицо – жёсткое. Взгляд – суровый, тяжёлый.

Я не спешил задавать вопросы и узнавать, кто он, и какого хера ему от меня понадобилось.

Мужчина заговорил первым:

– Здравствуй, Денис. Или лучше, Данте? Ты меня пока не знаешь. Моё имя – Шведов Олег Викторович. Можешь обращаться ко мне просто Швед.

– И что понадобилось просто Шведу от заключённого? – хмыкаю я.

Уголки губ его дёрнулись, и он ответил:

– Хочу заполучить тебя в свою команду, Данте. С тебя – беспрекословное выполнение моих приказов. С меня – свобода, деньги и новая жизнь. Что скажешь?

– Скажу, что ты знаешь, где выход, Швед, – отвечаю ему с кривой усмешкой.

– Знаю. И хочу, чтобы ты тоже оказался на той стороне, –

произносит он. – Я наслышан о тебе. Кое-кто мне рассказал, что в тюрьме оказался человек, которому здесь не место. Я прочитал твоё дело...

Я стиснул зубы и сжал руки в кулаки. Но Швед проигнорировал мою ярость. Он продолжил:

– Тебе нечего терять. По твоим глазам вижу. Но что бы сказала твоя сестра, Данте?

– Умолкни, – прорычал я.

– Хорошо, – пожимает он плечами. – Тебе плевать на себя. А что насчёт твоих несчастных родителей?

– Слушай, отвали, – говорю ему злобно.

– Ты ведь не в курсе, что твоим отцу и матери пришлось сменить место жительства? Тебе никто не рассказал, что их затравили соседи? Что подростки забрасывали и расписывали их дом, забор... нехорошими словами?

Я не позволил ни единому движению выдать, насколько сильно его слова сковали мне горло.

Матушка словом не обмолвилась об этом.

Но правду ли говорит этот Швед?

– Спроси сам, когда они приедут к тебе, – говорит он, глядя мне в глаза.

Я прищурился, глядя на него, и сжал крепче кулаки, желая немедленно схватить этого мерзавца, заявившегося ко мне, словно он хозяин жизни, и рассказывающего, что мне следует делать.

Он склонился ближе ко мне и твёрдым тоном заявил:

– Мне нужны верные и сильные люди, Данте. Тебе нужна новая жизнь. Отпусти прошлое и начни всё заново.

– Почему я должен тебе верить?

Он усмехается:

– Потому что я никогда не лгу.

В реальной жизни всегда побеждает зло.

В этой истине я лично убедился.

#

Девять лет, как я нахожусь в аду.

Убийство моей сестры. Год не жизни, а страданий и поиска справедливости.

Затем мой срыв и самосуд.

А далее уже два года, как судили меня.

И шесть лет на зоне.

Я долго думал над словами Шведа. Его предложение было, как то яблоко искушения в райском саду, только в этот раз оно предлагалось для того, чтобы покинуть один Ад и оказаться в Чистилище.

Разве можно жить с тяжестью на душе? Хоть на воле, хоть в тюрьме – клетка внутри меня одна, и из неё меня никто не выпустит.

Дальнейшую судьбу мою решила матушка.

В следующий её приезд я попросил рассказать мне всю правду.

Проклятье.

Швед не солгал.

Мои родители покинули наш городок и уехали жить практически на край земли. Издевательства, горькие упрёки, игнорирование и клеймо позора на семью. Сын-священник – убийца.

Матушка ездит ко мне, преодолевая огромные расстояния. Её глаза уставшие и постаревшие. Губы её давно не улыбались, и скорбные морщинки проложили тяжёлые борозды на её лице.

Я словно вижу карту её жизни – и она горька настолько, что у меня слёзы наворачиваются на глаза. Ни она виновница и палач. И ни отец.

Бессилие, боль, злоба – вот, какие чувства наполняют меня день изо дня. Сводят с ума, крошат мою душу и убивают её.

Решение принято.

Чтобы больше мать не роняла слёзы, чтобы не рвал себе сердце отец, я принимаю предложение Шведа.

#

Шведу удалось меня вытащить.

Чего ему это стоило, знаю очень хорошо.

Он разворошил старое дело с моей сестрёнкой. От души потоптался на яйцах некоторых чинуш, судей и высоко сто-

ящих ментов. Подключил все свои связи. Много сил, денег и нервов ушло, и спустя всего пять месяцев после нашей договорённости я на свободе.

Что ж, попробую жизнь начать с нуля.

Глава 2

#

– АНГЕЛИНА –

Сжимаюсь в комок и замираю, даже дышать прекращаю, когда об стену ударяется и разбивается очередная бутылка.

Пьяные ужасающе дикие крики меня пугают, и мне хочется со всей силы зажать уши ладонями. Не хочу их слышать. И видеть не хочу. Осточертели!

И невозможно привыкнуть к выходкам моих дальних родственников, у которых я живу, пока учусь.

Если бы родители только узнали, какие жуткие у нас родственники.

Двоюродный брат отца – Иван Кириллович. И то кровь не наша, он приёмный ребёнок.

Отец всегда отзывался о нём, как о порядочном и достойном человеке. Правда, они не общались почти двадцать лет. Может, когда-то в прошлой жизни Иван Кириллович и был хорошим человеком, но сейчас – это алкоголик с раздутым эго и девизом «Мне все должны».

Его жена – Светлана Владимировна ему под стать. Такая же конченная алкоголичка.

Но на просьбу родителей приютить меня хотя бы на год или полтора откликнулись с огромной радостью.

Теперь я знаю, почему.

Когда ругань достигает своего апогея, я резко вспоминаю, что не закрыла свою дверь в комнату на задвижку.

Поднимаюсь со старого стула и медленно ступаю по древнему скрипучему полу.

Вздрагиваю и едва не вскрикиваю, когда что-то огромное впечатывается в стену рядом с моей дверью.

Сглатываю вязкую слюну и скорее бегу к своей двери.

Щёлк.

Дверь заперта.

Успела.

И в этот момент в мою дверь со всей силы стучит двоюродный дядя и орёт:

– Гелька-а-а! Сучка малолетняя, открывай! Быстро!

– Пошёл ты... – произношу одними губами и отхожу от двери.

Он уже не стучит, а просто пинает её, и результат уже мне знаком – дверь не выдерживает тяжёлого натиска. Замок отлетает, и дверь распаивается. Громко ударяется о стену, издав жуткий грохот.

Мой ошибочный родственник влетает в мою комнату, и его бешеные алкогольные глаза, налитые кровью, заставля-

ют меня вздрогнуть и начать отступать.

– Почему пожрать не приготовила?! Холодильник, сука, пустой!

– Из... из че... чего? – едва выговариваю я, трясясь от дикого страха. – Вы ничего не... не купили...

– Ах ты дрянь! – ревёт эта мразь и делает шаг ко мне. – Мы разрешили тебе жить у нас, пока ты учишься, а ты палец о палец не хочешь ударить, чтобы отблагодарить нас?!

Мотаю головой.

– Я бы приготовила... Правда... Но вы же не купили продуктов... – мямлю я.

Для меня подобное поведение просто дикость.

Мои родители воспитывали меня в любви и ласки. А тут какой-то кошмар!

Мне бы рассказать отцу и матери, что я попала в ад, но не могу.

Мама так радовалась, когда узнала, что у меня будет хоть временно решён вопрос с жильём. Отец тоже считал, что это удача.

Я поступила на бюджет и учусь на отлично. Стипендия у меня хоть и небольшая, но на еду, метро и различные мелочи хватает. Родители тоже высылают деньги, но чтобы снять жильё не хватило бы даже всех этих денег.

Столица – место дорогое.

Моя семья небогата. Работает только отец, так как мама пережила инсульт. Левая рука у неё потеряла чувствитель-

ность, зрение сильно упало, и она больше не может устроиться куда-то.

Отец у меня простой рабочий в коммунальной службе. Он работает по двадцать пять часов в сутки, чтобы заработать маме на лекарства, которые помогают сохранить оставшееся зрение. Остаётся и для меня копеечка.

Родители не знали, что Климов Иван и его супруга Климова Светлана – спились и оказались на самом дне.

Эти двое морально разлагаются уже не первый год. Но они хорошие артисты. В разговоре не было ни намёка на их положение! Иначе бы мой отец никогда не отпустил бы меня к этим людям.

Когда мама спрашивает, как я живу, как со мной обращаются наши родственники, я ей лгу. Говорю, что всё замечательно, придаю голосу весёлость и радость, а в этот момент у меня душа плачет, и мне отчаянно хочется пожаловаться ей, как тут плохо.

Но не могу им рассказать правду. Мама не переживёт. Ей нельзя испытывать потрясения. И отца мне очень жалко. Он ведь себя потом сожрёт мыслями и укорами, что собственными руками отправил единственную дочь в лапы спившихся монстров.

Прошло семь месяцев, как я живу у двоюродного дядьки. И даже не сошла с ума. Но уже на грани.

И ведь первые четыре месяца всё было более-менее приемлемо. Да, они выпивали и приглашали шумных друзей.

Но меня никто и никогда не трогал, не доставал претензиями. Я просто для них не существовала. Убирала, готовила – вот и отлично.

А потом у них конкретно съехала крыша.

Да, без жилья сложно.

Поступить на бюджет поступила, а вот с общежитием мне не повезло.

«Нет мест», – сказали мне. – «Вы будете в листе ожидания».

Вот так и жду уже семь месяцев.

– У тебя стипендия есть! – рывкает этот урод. – Думаешь, я идиот и не знаю, что ты получаешь в своём универе бабло? Думаешь, мы тебя будем вечно у себя бесплатно держать?

У Климовых есть ещё одна квартира, которую они сдают в аренду, и они спускают всё до последней копейки на выпивку.

Соседи ненавидят Климовых, но ничего не могут с ними сделать. Полиция лишь руками разводит, делает выговоры, но и только.

А мне стыдно, что я живу с этими людьми и имею хоть и косвенное, но отношение к ним.

Когда они спят, я убираюсь в квартире и готовлю, если есть из чего приготовить.

Иногда трачу свою стипендию на еду для этой семьи. Однажды оплатила малую часть их долга за свет, чтобы его не отключили. А долг за коммуналку у них огромный. Рано

или поздно их лишат и воды, и света.

– Стипендия мне нужна для проездов, на покупку канцелярии и перекусов. И вообще... – произношу тихо и обнимаю себя за плечи.

Раньше Климов не говорил о моей стипендии. Никогда. И сейчас он меня ещё больше пугает.

– Так нахер твой универ тогда! – орёт он и ударяет вдруг кулаком по хлипкому шкафу с одеждой.

Шкаф опасно скрипит и шатается, но, слава богу, не разваливается.

– Иди на работу, сучка! Завтра же чтобы бросила учёбу и начала впахивать, поняла меня?

Я вздрагиваю и в ужасе смотрю на перекошенное злобой лицо Ивана Кирилловича. Он спятил?

– Дармоедка. Шлюха, – пьяно выдавливает из себя его супруга, вваливаясь в мою комнату. – Я вижу, как ты смотришь на моего Ванечку... Дрянь... Увести моего мужика решила, да?

Что?!

От этих пьяных слов мне становится дурно.

Белая горячка накрыла семейство Климовых. Похоже пора вызывать дурку.

– Света, пошла отсюда! – орёт на неё Климов.

Она уродливо кривит свой «надутый» рот и выплёвывает:

– Вот и пойду! А ты потом попробуй меня найди, сволочь! Дрянь эту видеть больше не желаю! Трясёт перед тобой сво-

ими дойками, а ты и рад пялиться!

– Света! – ревёт диким зверем Иван.

Я не понимаю, какого чёрта?

Она уходит, путаясь в собственных ногах, и громко хлопает входная дверь.

Климов шагает ко мне.

Я упираюсь спиной в стену и смотрю на него широко раскрытыми глазами. Мне становится до жути страшно.

Пока раздумываю над тем, как ответить дяде, он вдруг ставит руки по бокам от моего лица и склоняется ко мне.

В нос ударяет резкий и едкий запах перегара. От этого смрада я едва не задыхаюсь. Задерживаю дыхание и сжимаю руки в кулаки. Ставлю на нужный ракурс ногу, чуть сгибаю её в колене, чтобы в случае непредвиденных действий со стороны Климова врезать ему между ног.

Я не для того училась на отлично, оканчивала школу с золотой медалью и поступала на бюджет в университет, чтобы какой-то козёл решал за меня мою же судьбу и диктовал мне свои условия!

Да, я живу бесплатно в их пятикомнатной квартире. Занимаю одну комнатку. Веду себя тихо, как мышка. С утра уезжаю на учёбу и возвращаюсь довольно поздно.

Успеваю убирать их квартиру, проветриваю её от алкогольных паров и табака, готовлю. Иногда плачу по их счетам за коммуналку и ещё умудряюсь учиться на одни пятёрки, чтобы получать повышенную стипендию!

Я стараюсь изо всех сил, чтобы меня на третьем курсе включили в список для стажировки в крупной организации. А потом желаю занять ведущее место в одной из успешных компаний.

Я учусь на переводчика-международника. Я билингв. У меня способности к изучению иностранных языков. Английский, немецкий, арабский и китайский языки – мой профиль. Я владею ими практически в совершенстве. И у меня распланирована жизнь на долгие годы вперёд. И никто не посмеет мои планы нарушить.

Я очень хочу обеспечить родителям безоблачную старость. Хочу, чтобы маме помогли хорошие доктора. Её зрение ведь можно реабилитировать, но на всё нужны деньги. Много денег.

И я смогу обеспечить их и себя. Всего лишь нужно закончить университет.

Эти мысли вихрем проносятся в моей голове, и я обретаю решимость. Страх немного отпускает.

Смотрю на неродного дядю с вызовом и произношу негромко, но чётко:

– Я всё поняла, Иван Кириллович. Завтра же с утра покину вашу квартиру. А сейчас отойдите от меня и покиньте моё пространство.

Он вместо того, чтобы услышать и выполнить мою просьбу, начинает вдруг ржать, обдавая меня своим зловонием.

А потом приторно противно говорит:

– Думаешь, просто так уйдёшь от меня, Геленька? А расплатиться за мою доброту ты не подумала? Ты семь месяцев живёшь в моей хате, а снимать даже комнату в столице нынче дорого. А ты – нищая. Сначала отработаешь, потом отвалишь на все четыре стороны.

Поправляю очки на носу и хрипло интересуюсь:

– О какой отработке вы говорите? Я и так убираю вашу квартиру... Готовлю, когда есть из чего...

Он делает шаг назад и противно ухмыляется. Потом вдруг начинает стягивать с себя растянутые спортивные штаны, вместе с ними падают на пол и семейные трусы.

Я в ужасе смотрю на торчащий отросток. Тёмные волосы вокруг его вздыбленного и кривого члена похожи на сдохшую мочалку.

К горлу подкатывает тошнота.

– Давай, Гелечка, поработай ротиком. Я давно смотрю на твои губки... – тяжело дыша, говорит Климов. – Ты ведь отсасываешь преподам и парням с универа? Я знаю, как вы, студенточки, пятёрки зарабатываете. Вот и мне отсоси, девочка.

У меня перед глазами появляются чёрные мушки.

Мне хочется думать, что всё происходящее просто отвратительный сон, а не реальность!

– Ну же, не стесняйся, Гелечка, – улыбается он до отвратительности пошло и начинает гладить свой противный длинный и тонкий член. – Ублажи дядю Ваню.

Решение покинуть проклятых родственников окрепло на все сто процентов.

Сомнений нет. Если я хочу оказаться в светлом продуманном до мелочей будущем, я должна покинуть это прогнившее место немедленно!

Делаю шаг ему навстречу. Климов довольно лыбится и произносит:

– Вот и умница, крошка. Давай, не бойся. Иди ко мне и становись на коленки. Только ты это... Маечку подними, чтобы я твои сисечки видел... Может, я тебя потом потрахаю. Тебе понравится со мной, Геля, вот увидишь.

Ещё один шаг...

Замах ногой...

И со всей силы удар по яйцам Климова.

Визгливый вой мужчины слышали, наверное, на другом конце земли. Это была музыка для моих ушей.

Он падает на колени и скулит от дикой боли.

Я не пожалела и ударила со всей силы, чтобы там всё всмятку вышло. Сволочь какая!

Но он скоро придёт в себя и тогда мне будет очень-очень плохо.

Полная решимости, бегу на кухню и хватаю пустую бутылку.

Климов уже пытается подняться на ноги. Бормочет себе под нос грязные ругательства и обещает мне страшную кару и проблемы.

– Пожалуйста, пусть только он не умрёт, – произношу едва слышно и со всей силы опускаю бутылку на затылок Климова.

Бутылка разлетается на тысячи осколков. В моей руке остаётся одно лишь горлышко.

Климов вдруг замолкает, оседает на колени, а затем всей тушей падает замертво.

Секунду стою, не до конца осознавая, что произошло.

Потом подкрадываюсь к мужчине и опускаюсь на корточки. Дрожащими пальцами касаюсь его шеи...

Но не успеваю прощупать пульс, как Иван Кириллович вдруг всхрапывает всем телом.

Вскрикиваю и падаю назад.

Живой.

Не убила.

Ощущаю, что начинаю дрожать всем телом.

Это адреналин.

Пока я ещё в состоянии соображать, мне надо уходить отсюда.

Сумка с вещами у меня всегда наготове, так как я уже подумывала о смене жилья. Эти месяцы были для меня жуткими. И жить с алкоголиками – настоящий ад для любого нормального человека.

Бросаю в рюкзак учебники и конспекты. Рукой смахиваю в открытую сумку всю канцелярию. С полки над кроватью хватаю свои мыльные принадлежности и бросаю их в спор-

тивную сумку.

Поднимаю матрас и достаю свои спрятанные и сохранённые жалкие накопления.

Одеваюсь быстро, как пулемёт. Бросаю на тумбу в прихожей ключи от квартиры, хватаюсь за ручку двери, чтобы бежать отсюда... А потом останавливаюсь и понимаю, что от этих двоих могу получить вагон неприятностей.

Светлана может заявить, что я обокрала их. Что пыталась убить её мужа. А этот козёл подтвердит.

Полиция, которой соседи жаловались на Климовых, всегда лишь руками разводит и никак не может угомонить буйных алкоголиков. А вот в отношении меня сразу же найдут причины для задержания.

– Думай, Геля. Думай, – произношу вслух.

Достаю из кармана телефон и вызываю полицию.

А потом стучусь к соседке напротив.

Баба Нюра всегда жалела меня и говорила, чтобы я съезжала от Климовых. Что ж, вот и пришло время съехать. И надеюсь, она не откажет мне в помощи и подтвердит мои слова.

Глава 3

#

– АНГЕЛИНА –

Светлану Климову полиция находит в парке на лавочке.

Женщина уснула и после пробудки не могла вспомнить, кто такая Егорова Ангелина и кто такой Климов Иван.

Полиция записала все мои показания в отношении этой алкоголической парочки. Я рассказала о сегодняшнем происшествии. Не умолчала и о домогательствах Климова.

Баба Нюра, которая приютила меня на пару-тройку дней, уже была в курсе случившегося.

Бабушка охала, ахала и кляла алкоголиков, на чём свет стоит.

С её лёгкой руки подключился к моей защите весь подъезд. Все бабульки встали на мою сторону и дали показания. Сами понимаете, что ситуация получилась преувеличенной. Жуткими монстрами представили Климовых пожилые леди. Бабульки приукрашивать, точнее, приужастивать хорошо умеют.

Сработал и тот факт, что вызовов в отношении четы Климовых был ни один, ни два, а уж точно несколько десятков за последний только год.

Я выразила беспокойство по поводу, что они могут выдумать какие-нибудь байки, будто я у них что-то украла или испортила, или ещё чёрт знает, что может прийти в их больное сознание.

Меня заверили, что вряд ли Климовы отныне захотят меня вообще вспоминать.

В общем, можно сказать, отделалась я лёгким испугом.

Обоих Климовых увезли в отделение полиции. Посидят несколько суток в вытрезвители и подумают над своим поведением и будущим.

Если ко мне полезут, то обязательно напишу заявление. Преступления сексуального характера не имеют срока давности. А уж я подстраховалась, чтобы эти двое отвалили от меня навсегда.

С бабой Нюрой хорошо. Живу с ней уже третьи сутки.

Впервые за долгое время я спокойно готовлюсь к парам. И впервые нормально сплю.

Только сейчас понимаю, что, пока жила у Климовых, я перестала высыпаться, – мой организм банально не успевал отдыхать. И я всё время находилась в состоянии стресса, беспокойства и страха.

Сколько бы я ещё протянула в режиме «На пределе»? Может, ещё чуть-чуть, и я получила бы срыв?

От одной мысли мне становится дурно, и я гоню прочь все эти «если», «а могло бы случиться...»

Теперь всё хорошо.

Почти хорошо.

Оставался нерешённым вопрос с жильём.

Но и в этом случае на помощь пришла баба Нюра.

– Гелюша, у меня подружка есть, – говорит бабушка, разливая по кружкам ароматный чай, – у неё старший сын – бизнесмен. Держит клуб какой-то... Ой, не вспомню название. Они там шары кидают по препятствиям.

– Боулинг что ли? – догадываюсь я.

– Название похожее. Наверное. Так вот, в чём суть, деточка, – улыбается бабулька. – В клуб к нему часто приходят иностранцы, а сынок моей подружки уже сбился с ног, никак не может найти нормального работника со знанием иностранных языков. А ты как раз умница-красавица знаешь английский и ещё другие языки.

Киваю, пока ещё не совсем понимая, как мне поможет боулинг-клуб и сын подружки с жильём. А жильё мне необходимо очень дешёвое. Почти бесплатное. Наверное, моих возможностей хватит только на коробку возле помойки.

– Мне вот несколько дней назад подружка жаловалась, что сын её расстроен, что у него с кадрами туго. Уже даже дал объявление с условием, что готов предоставить жильё иногородним. Лишь бы языки знали и работать хотели. Не хоромы, конечно, всего-то гостинка, но всё же лучше, чем жить

с алкоголиками под одной крышей. А так ты сама себе хозяйка. Одна, без соседей и соседок. И дом хоть и старый, но люди живут там все приличные. Подружка именно так и сказала. Если хочешь, могу расспросить её подробнее и порекомендовать тебя...

– Баба Нюра! – вскрикиваю радостно и обнимаю старушку – нежно-нежно. – Я вам буду до конца жизни благодарна за помощь! Конечно хочу!

– Ох, – смеётся бабулька и хлопает меня спине. – Лучшая благодарность, деточка, – оставаться хорошим человеком. Помогай тем, кто в беде оказался. Не черствей сердцем и обязательно помни: как ты к людям – так и они к тебе. Вот и всё. Сейчас мы с тобой чайку с пирогом попьём, и я немедленно подружке и позвоню. Нечего откладывать важное дело.

У бабы Нюры дело со словом не расходится.

Определённо, кто-то сверху решил, что хватит с меня неприятностей, можно и подсластить немного мою жизнь.

Хозяином боулинг-клуба оказался вполне симпатичный и приличный мужчина – Сергей Николаевич Пашков. Мужчине тридцать три года. Серьёзный, но добрый и понимающий. И ему действительно был нужен сотрудник со знанием иностранных языков на должном уровне.

Мы с ним обсудили мою кандидатуру, и Сергей Николаевич был рад тому факту, что я владею несколькими иностранными языками.

С моим учебным графиком мы договорились, что я буду

работать полный день по воскресеньям. И по вечерам в пятницу и субботу.

И он действительно предоставил мне жильё!

Этой привилегии удостоилась я и ещё один парень. Он тоже официант, и тоже владеет иностранными языками.

Но за счёт квартирного бонуса моя зарплата существенно уменьшается. Но даже с этим учётом я на седьмом небе от счастья!

Сама гостинка находится в спокойном и довольно милом районе. И мне совсем недалеко и недолго добираться как до университета, так и до работы.

И мой первый рабочий день подтвердил желание Сергея Николаевича найти официантов с моими знаниями. В его клубе были одни иностранцы.

Ещё узнала и поняла, что работать официантом не так уж и просто. Но я была счастлива.

Когда звоню маме, впервые с ней искренна и рассказываю, как я рада, что смогла стать независимой от наших... «родственников».

Родители так и не узнали всю историю с «дядей». Чтобы не было вопросов, я рассказала им, что «родственнички» опустились за последний год чуть ли ни на самое дно и превратились в алкоголиков.

Данный факт ужаснул отца и мать. Было много вопросов, расспросов, но я уклончиво отвечала, что занималась учёбой, была погружена в мир знаний, и мне было не до паде-

ния Климовых. Родители больше вопросов не задавали, и я, наконец, действительно начала жить, как самый настоящий студент.

Четыре года учёбы и работы пролетели как один день...

Оставался последний курс... Решающий.

И я настроила грандиозные планы на будущее.

Но как говорится в испанской пословице: «Хочешь рас- смешить Бога – расскажи ему о своих планах».

#

– АНГЕЛИНА –

Четыре года спустя...

Когда я была маленькой, моя бабушка, мама моей мамы, сказала мне кое-что очень важное, что вспомнилось только сейчас. Вспомнилось яркой вспышкой, будто кто-то просто взял и включил в моей голове кнопку с нужным воспомина- нием.

Она сказала: «Ангелочек мой, ты – девочка. Красивая, чи- стая, открытая, и однажды ты окажешься одна в огромном мире. Этот мир тоже открыт, но он не так красив, как кажет- ся, и совершенно нечист. Ты пошла в меня характером. Ты тоже борец по жизни. Отважная и сильная. Хотелось бы мне,

чтобы тебе давалось всё легко, но такого не бывает. Ни с кем. Но ты должна запомнить, мой Ангелок, хоть ты и женщина, но ты сильна духом. Мужчины только думают, что женщины слабы, но на самом деле они сильно ошибаются».

Бабушка гладила меня по непослушным волосам, мягко улыбалась, но взгляд её карих глаз был серьёзен как никогда.

«Есть женщины – камни, тянущие мужчину вниз, а есть женщины – крылья, дающие чувство полёта. Ты – крылья, Ангелина. Но однажды тебе захотят их сломать. Поэтому ты должна быть сильной, девочка моя. И ещё помни, именно женщина несёт на себе все испытания своего мужчины... Надеюсь, тебе встретится именно тот, кто тебя действительно заслуживает...»

Утренние две пары отменили.

Возвращаться домой не хотелось, да и смысла нет тратить время на дорогу туда-обратно, и я решила зайти в кофейню недалеко от универа, взять любимый раф и погулять в парке. Погода сегодня – настоящий дар людям. Апрельское солнце ласковое, тёплое и никакого ветра. Очень хорошо.

В кофейне многолюдно, офисные трудяги по пути на работу нуждались в бодром кофеине и хорошей порции сплетен.

Занимаю очередь и, пока жду, открываю планшет, проверяю работу первокурсника. Перевод с русского на китайский даётся немногим. В китайском языке нет букв и алфавита, что повергает в ступор привыкших к противоположному по-

ложению вещей студентов, решивших изучить его.

Делаю правки в работе, пишу заметки на полях и жду свой кофе.

Моя очередь скоро должна была подойти, как вдруг я ощутила чей-то взгляд. Странное ощущение, когда кто-то пристально смотрит тебе в затылок и сверлит-сверлит взглядом, будто пытается понять, из чего состоит твоя голова.

Обернулась и сразу же уловила пару блестящих голубых глаз всего в нескольких метрах от меня. Он сидел за одним из столиков и пил из маленькой чашки явно крепкий кофе.

Это был мужчина, которого я никогда не видела. А на память не жалею. Тем более с подобной необычной внешностью мужчину я бы запомнила.

У него было очень красивое лицо, как у мужчины с обложки глянцевого журнала: чётко очерченное лицо с сильной челюстью, волевым подбородком и носом, который раньше явно был прямым, но кажется, ни раз и ни два был переломан и оттого искривлён.

Ярко-голубой цвет его глаз поразителен, особенно на фоне волнистых волос длиной до плеч пшеничного цвета.

Мужчина крупный, но не качок, он очень широк в плечах, а его руки и пальцы – крепкие и сильные.

Одет незнакомец в чёрную кожаную куртку, по-модному состаренную и синие джинсы. На ногах – стильные и мощные ботинки, будто армейские.

Да, он красивый, но красота его точно обманчива.

Я поёжилась, потому что его энергия была ощутимой, откровенно сильной и опасной.

Мы точно не знакомы. Но мужчина вдруг мне улыбнулся, а затем и подмигнул.

Нахмурилась и отвернулась.

Убрала в сумку планшет и достала карту, чтобы сразу оплатить свой заказ, как вдруг прямо над моим ухом раздалось хриплое, низкое и чуть тягучее:

– Доброе утро.

Повернулась и вынуждена была задрать голову, чтобы увидеть это человечище.

Незнакомец оказался ещё и высоченным. В нём роста под два метра!

Он встал очень близко ко мне, вторгшись в зону моего комфорта, и тут же почувствовала себя неуютно и даже пугливо, словно ко мне приблизился опаснейший хищник.

Делаю шаг назад и поправляю очки.

Вздыхаю, но всё же вежливо улыбаюсь ему в ответ и сухо говорю:

– Доброе.

С мгновение я разглядываю его лицо. Издалека он показался мне моложе, но вблизи очевидно, что ему уже не двадцать пять лет, и даже не тридцать пять, а где-то под сорок. Есть лучистые морщинки вокруг глаз и скорбные складки вокруг чувственного рта.

Он в ответ рассматривает меня и как-то придурковато

улыбается, словно встретил хорошую знакомую, которую давно-давно не видел, но очень рад встрече.

Глава 4

#

– АНГЕЛИНА –

Незнакомец долго смотрит на меня с решимостью в этих ярких голубых глазах. Он выглядит так, словно не собирается принимать отказ.

Облизываю вдруг пересохшие губы и собираюсь покинуть кофейню, забыв про долгожданный кофе, но подходит моя очередь.

– Что будете заказывать? – бодро спрашивает кассир, и уже как-то нет смысла уходить.

– Эм... – Все мысли вылетели из головы. Всё-таки произношу: – Классический раф. С собой, пожалуйста.

– Три-четыре минуты, – говорит кассир, забывая мой заказ в кассовый компьютер. – Оплата наличными или картой?

– Картой... – произношу я.

Неожиданно незнакомец протягивает кассиру свою карту со словами:

– Я угощаю.

Плик. И расчёт произведён.

Недоуменно смотрю на мужчину и жду, когда он первый заговорит.

– Меня Данте зовут, – произносит он, наконец.

Вздёргиваю одну бровь.

Какое редкое и странное имя для нашей страны.

– Хорошо, – отвечаю сухо. Представляться не собираюсь. – Спасибо за кофе, но не стоило.

– Ты не скажешь своё имя? – улыбается он весело. Голубые глаза неестественно яркие и затягивают, как зыбкий туман.

Моргаю и отвожу взгляд. Смотреть в океанические глаза точно не стоит – затянут своими холодными водами, полными хищников и других опасностей, и всё, все планы уйдут к чертям.

– Я не собираюсь с вами знакомиться, – говорю хмуро.

– Какая ты серьёзная, – хмыкает Данте.

– И не нужно мне тыкать, – произношу строго и снова поправляю очки. Привычка, выдающая мою нервозность. И в то же время ритуал.

Всегда, когда чувствую себя как не в своей тарелке и начинаю волноваться, трогаю и поправляю очки. Это, казалось бы, обычное и незаметное действие успокаивает меня и придаёт уверенности.

Данте вновь хмыкает и кивает.

– Договорились, прекрасное создание. Я готов обращать-

ся к вам исключительно на «Вы». Теперь назовёте своё имя?

– После этого вы отстанете от меня? – вздыхаю капельку раздражённо. Не люблю настойчивых и прилипчивых людей. Утомляют и напрягают.

– Конечно.

Уголки его чувственных губ чуть подрагивают, словно он пытается сдержаться, чтобы не рассмеяться.

– Ангелина Геннадьевна.

Мужчина широко улыбается, словно он выиграл миллион. Но я обращаю всё своё внимание на то, что у него очень красивая белозубая улыбка. И зубы явно свои. Ни импланты, ни виниры. Вон небольшой скол на переднем зубе. А клык чуть искривлён.

Слишком красив. Слишком большой. Слишком опасный.

Всего слишком. И это я с ним знакома всего несколько минут, а мне уже его слишком много и хочется скорее убежать.

– Ангелина. Красивое имя, – мягко говорит Данте, глядя на меня как-то очень странно. Вздрагиваю, потому что и голос, и тон приятные. Он будто учился ораторскому искусству и легко меняет тональность своего голоса.

– Спасибо, – бормочу себе под нос.

На табло загорается номер моего заказа.

– Ваш кофе, – произносит девушка на выдаче и протягивает мне горячий стаканчик с картонным обручем, чтобы не обжигаться.

Чувствую, как Данте вырастает у меня за спиной, и вижу, как девушка, словно роза, распускается и сияет. Её взгляд направлен мне за спину, глазки блестят. Губы растягиваются в восхищённой улыбке.

Хмыкаю, забираю свой кофе, закрываю его крышкой и иду на выход.

Выхожу из кофейни, вдыхаю тёплый весенний воздух, делаю первый глоток вкусного кофе и сбегая со ступенек. Направляюсь к перекрёстку, чтобы перейти дорогу и погулять в парке.

Жду зелёный свет, не думаю ни о чём. Настроение тихое, милое и доброе. Идеально.

– Позвольте вас проводить, Ангелина, – вдруг раздаётся рядом голос Данте.

Резко поворачиваю голову и возмущённо смотрю на мужчину.

– Вы же пообещали отстать от меня, если назову своё имя, – бросаю резко и крайне недовольно. – Или вы из той категории людей, что не держат своё слово?

Мужчина хмыкает.

– Я держу своё слово. Всегда.

– Тогда в чём ваша проблема?

– У меня нет проблем, Ангелина. Ты просила отстать от тебя, но я ведь не приставал, – смеётся он.

Похоже, ему очень весело.

– Любите играть словами, да? И снова вы мне тыкаете.

– Люблю, да. И мне хочется обращаться к тебе на «ты».

Прости.

Загорается зелёный.

Делаю независимый вид и демонстративно показываю, что разговор и знакомство закончились. Быстрым шагом пересекаю зебру.

Но этот невозможный мужчина идёт со мной рядом! И шагает спокойно, легко и даже лениво, словно я плетусь, как черепаха!

Перейдя на другую сторону, резко останавливаюсь, добавив тону строгости и возмущения, спрашиваю:

– Что вы привязались ко мне? Что вам нужно?

Данте щурится, подняв взгляд на солнце, потом улыбается. Переводит взгляд на меня, смотрит словно счастливый влюблённый и выдыхает блаженно:

– Понравилась.

Фыркаю.

– Да неужели?

– Угу. Сам удивлён.

Качаю головой и говорю:

– В таком случае ничем помочь не могу. И не нужно меня провожать. Прощайте, Данте.

– Нет, Ангел, не прощай, – заступает он мне дорогу. – Сначала дай свой номер телефона.

– Номер телефона? – переспрашиваю, обескураженная наглостью мужчины. – С какой целью?

– Позвоню тебе, – произносит негромко.

– Зачем? – выдыхаю с нервным смешком.

– Чтобы пригласить на свидание, – отвечает он невозмутимо, потом оглядывает меня с ног до головы соблазнительным взглядом.

Раздраженная его наглостью, широко улыбаюсь и произношу чётко и предельно ясно:

– Нет.

Разворачиваюсь и иду в обратную сторону. В парк можно войти и с другой стороны.

Но мужчина, похоже, не привык к отказам. Он снова шагает рядом со мной.

– Ангел с характером. Мне нравится.

Отчего-то мне становится весело.

– Ангел? – смеюсь я. – Уж простите, Данте, но я точно не Ангел.

– Ты – Ангел. А ещё любовь всей моей жизни, – вдруг говорит он на полном серьёзе, и я сбиваюсь с шага.

Смотрю на мужчину в замешательстве.

– Вы – псих! – озаряет меня понимание. – Говорят, именно весной и осенью начинается обострение психических состояний. Вот же мне «повезло»! Такой хороший день, и тут вы...

Кривлюсь и наконец, начинаю пить свой раф. Он успел остыть, и настроение портится.

– Оставьте меня, Данте. Идите своей дорогой и забуду...

– Это правда, – обрывает он меня на полуслове.

Смотрит на меня пронизательным и внимательным взглядом голубых глаз. Я же словно смотрю в бесконечную синь ясного неба. Боже, что за глаза...

– Я впервые за долгие годы вновь вижу краски этого мира и улыбаюсь. У меня даже с непривычки губы разболелись. Веришь? – смеётся он.

– Наверное, сегодня какая-то необычная луна, вот она на вас и действует, – говорю осторожно.

Затем подхожу к мусорной урне и аккуратно, чтобы не уронить и не пролить, ставлю недопитый кофе в стакане на дно невысокого бака.

Поворачиваюсь к мужчине. Блондин хмурится, а я киваю ему и произношу мягко и с лёгкой улыбкой на губах:

– Спасибо за компанию, но мне уже пора идти. Прощайте, Данте.

И быстро-быстро иду в сторону университета. Прогулка в парке с любимым кофе вышла неудачной.

Иду и не выдерживаю. Любопытство сильнее меня. Обращиваюсь и вижу, что мужчины с необычными глазами нигде нет. Оглядываюсь, но не нахожу его.

Хмыкаю.

– А сказал любовь всей его жизни, – шепчу одним губами.

Выбрасываю из головы блондина с голубыми глазами и иду в университет. Там тоже есть кофейня, там не готовят раф, зато чашку капучино выпить можно.

#

– ДАНТЕ –

Один мудрец сказал, что ни одно действие не проходит бесследно.

Да, людям суждено однажды умереть, а потом предстать перед судом.

Но иногда при жизни приходится вершить суд.

То, что я совершил в своей жизни и кем стал, имеет конкретную причинно-следственную связь.

Когда-то я был хорошим парнем. Вёл праведный образ жизни. Соблюдал все законы – человеческие и божьи. В итоге жизнь распорядилась весьма своеобразно.

Возможно, моя судьба изначально была предрешена.

Возможно, Господь испытывал меня. Если так, то испытание я провалил. Но не жалею о своих поступках.

Сейчас я тот, кого плохие парни боятся, и при моём имени вздрагивают в ужасе.

Наказание виновных кровавыми и убийственными методами – это моя работа.

Да, мои руки хорошо испачканы в крови. Не отмыться.

Но я не только убиваю и избиваю. Не все проблемы мож-

но решить такими методами. Я всегда предлагаю людям выбор – подумать и сделать, как должно. Убеждать умею.

Я решаю серьёзные вопросы, касающиеся бизнеса моего друга, товарища, партнёра и босса – Шведа. Бизнес не вполне легальный, но разрешённый сверху. Теневой бизнес, даже грязный. Отмывание денег – разве это богоугодное дело? Но я думаю, Он давно забыл о своих детях...

Однако есть и то, с чем ни я, ни Швед, ни наши парни никогда не связываемся – женщины, дети, наркота, торговля людьми.

Я не жалею о выбранном пути. Иду по жизни, уничтожая тех, кто встаёт на нашем со Шведом пути.

Ни жалости, ни сожалений, ничего...

Я давно забыл, как это испытывать хоть какие-то чувства и эмоции. Пустота внутри – чёрная бездна. Она моя вечная спутница.

Я придавил свою душу могильной плитой, залил её кровью мною же убиенных. Запер на все замки путь к душе и заставил себя забыть о жизни.

Я не живу. Я существую. Хорошо делаю свою работу и с каждым днём умираю.

Никогда не обдумывал и не ощущал тяжесть каждого своего тёмного поступка. Никогда и ни перед кем не оправдывался в совершённых делах.

Но сегодня звёзды явно сошлись в каком-то божественном просветлении.

Прекрасное утро, которое я оценил после того, как увидел её...

Она мягкой походкой, с лёгкой улыбкой на губах и невинным, беспечным взглядом вошла в кофейню. Свет за её спиной и вокруг лица засиял, словно бы к людям спустился лучезарный ангел.

У меня дух перехватило от этого зрелища.

Я увидел её так ясно, чётко и в ярких красках, что вдруг ощутил, как в груди забилося с бешеной скоростью сердце.

Моргнул, боясь, что это всего лишь видение. Но, к счастью, прекрасная незнакомка не исчезла, не растворилась, не показалась. Она реальна.

Миниатюрная, изящная, нежная, красивая.

Она осмотрелась и скользнула по мне ясным и умным взглядом тёмных глаз, словно глубокое море.

Я забыл обо всём на свете. Забыл, кто я. Забыл, зачем я здесь, сижу в этом кафе.

Смотрел, смотрел и смотрел на темноволосую девушку и не мог оторвать от неё взгляда.

А потом в моё сознание проник эгоизм и внутренний голос спросил: «Так и будешь сидеть истуканом? Или сделаешь хоть что-нибудь?».

И едва пронеслась эта мысль, как незнакомка вдруг обернулась, и наши взгляды встретились.

Какие же у неё глаза...

Даже за стёклами очков я вижу, что душа девушки чиста

и прекрасна.

Я не должен был подходить к ней. Не должен был говорить. Не должен был знакомиться. Но лишь один взгляд на неё, и я ощущаю жизнь. Ощущаю, как у меня открывается новое дыхание, и губы сами собой растягиваются в улыбке.

Мне хочется и смеяться, и плакать. Словно я тот путник, много лет скитающийся по пустыне, что, наконец, набрёл на свой оазис.

В это утро, когда я впервые её увидел, её и моя жизни изменились навсегда.

И имя у неё ангельское – Ангелина.

И её глаза – всего лишь один взгляд и они стали центром моего мира.

Разве так бывает?

Она абсолютно чиста, а я приведу её в свой тёмный мир... Но, раз увидев Ангела, уже невозможно отказаться от света и чистоты.

Эта девушка должна стать моей. И станет.

В тот миг я и думать-не думал, что у неё есть своя спланированная жизнь. Не думал, что у неё может быть парень или жених. Ни о чём не думал, кроме её бездонных синих глаз, алых губ и нежного румянца на красивом лице.

Она боится, не понимает, зачем я пристал к ней, иду за ней, как маньяк.

А мне нравится смотреть на неё, нравится её голос. Чёрт возьми, мне уже нравится её характер!

Кажется, это любовь.

Любовь всей моей жизни.

От этой мысли сердце вновь заходится в бешеном ритме, накрывает правильность этого чувства, и я признаюсь девушке:

– Ты – Ангел. А ещё любовь всей моей жизни.

Она облизывает полные губы и смотрит на меня в неведении.

И этот её невинный жест заставляет мой член «ожить» и стать твёрдым. Моментально схожу с ума, потому что никогда в жизни у меня не было такой реакции на женщину.

Чувствую, что хочу её не просто на время. Хочу её навсегда.

Последний раз вдыхаю её сладость, а затем позволяю уйти. Ангелина спешит скорее оказаться как можно дальше от меня. И я создаю видимость, что ей это удалось.

Быстро бегу к своей тачке, запрыгиваю в машину и еду за ней.

Прослеживаю весь путь Ангела.

Довольно усмехаюсь, когда она взбегает по лестнице в университет.

Студентка, значит. Или преподаёт?

Выключаю двигатель и начинаю ждать. Пока жду, беру телефон и звоню.

– Гена, сразу к делу. Мне нужно познакомиться с ректором одного университета. Устрой, друг.

Называю универ.

– Данте, все в курсе, что ты ёбнутый, но чтобы настолько?! На кой хер ты собрался поступать учиться? – ржёт друг.

– В знаниях – сила, – улыбаюсь в трубку, и Гена вдруг слышит мою «улыбку».

– В знаниях – сила, – улыбаюсь в трубку, и Гена вдруг слышит мою «улыбку».

– Погоди... – бормочет он, – это что-то новенькое. Ты улыбаешься?

– Гена, просто устрой, ладно? – усмехаюсь я.

– Твою ж мать... Неужели Ад замёрз? – смеётся Гена. –

Данте, за твою улыбку я готов устроить дружбу хоть со всеми ректорами города!

– Нужен только один. И как можно скорее, – повторяю просьбу и отключаюсь.

На губах продолжает играть улыбка. А внутри вдруг становится хорошо, тепло, и мне кажется, что я «оживаю».

– Ангелина. Ангел. Мой Ангел.

Глава 5

#

– ДАНТЕ –

Когда приезжаю в офис, парни уже ожидают меня. Киваю им. Парни усмеваются и здороваются в ответ.

Швед уже у себя, ждёт всю нашу команду.

Когда первым захожу в кабинет, Крош встаёт и следует за мной. Он ещё один мой лучший друг после Шведа. Как и Гена. Эти трое стали для меня братьями, семьёй. Они помогли мне начать жизнь с нуля, помогли справиться с безудержным гневом и ненавистью ко всему человеческому роду.

За ним следуют Гена и другие наши самые лучшие парни – молодые, горячие.

Когда они к нам пришли, то жаждали экстрима, погонь, крутизны. Пришлось с ними поработать, чтобы выбить дурь из головы. В нашем деле важны осторожность, незаметность и благонадёжность.

Все мы садимся за прямоугольный стол для переговоров. Рабочий стол Шведа стоит в другом конце кабинета, где

из окна виден весьма скучный и унылый пейзаж.

Швед бы переехал в другое место с видом на город, но тогда все наши дела будут на виду.

– Данте, ты расскажешь нам, что за блажь с универом пришла в твою голову? – спрашивает Швед с улыбкой, медленно и со вкусом потягивая чёрный кофе.

В кабинет входит молодой парнишка. Он из новеньких и ещё зелёный, пока, кроме как разносить напитки, большего не заслужил.

Зовут его Павел. Он приносит поднос с кофе и чаем и расставляет перед каждым из нас чашки. Он помнит, кто и какой напиток предпочитает.

Когда Пашка уходит, я смотрю на друзей и невозмутимо пью свой кофе. Невольно начинаю улыбаться, и парни замирают. Молча, но при этом в полном шоке смотрят на меня так, будто на моей голове вырос член.

– Данте? – удивляется Швед не меньше остальных. Отставляет свою чашку и ждёт от меня объяснений.

Ладно, не стану испытывать их терпение, всё равно же узнают правду.

– Мне нужно было узнать, кто учится или работает в этом универе, – говорю я, не в силах убрать дебильную улыбку с лица. – Оказывается, учится. На последнем курсе.

Парни начинают ржать и понимающе переглядываться. Издают не менее придурковатые звуки, как и моя улыбка.

– О-о-о...

– Тогда всё ясно.

– Данте влюбился. Бедная деваха...

– Ты хоть предупреди её, что у тебя кукуха не на месте!

Гена хлопает меня по плечу и едва уворачивается от моего кулака. Из-за этого проливаю кофе на стол.

Крош протягивает мне салфетку и тоже ржёт.

– Всё серьёзно? Или это так, увлечение? – спрашивает

Швед, игнорируя этих придурков.

– Хочу от неё ребёнка... Двоих или троих. И женюсь на ней, – отвечаю на полном серьёзе.

Ржач в кабинете нарастает и напоминает лошадиное стойло с бешеными жеребцами.

– Данте, ну ты и придурок! – сквозь смех выдаёт Гена. – Девчонку хоть спросил?

– Мне уже жаль твою избранницу, – добавляет Крош.

Вздыхаю и задаю риторический вопрос, полный угрозы и моего недовольства:

– Если я сейчас оторву всем вам головы и засуну их в ваши же задницы, вы не сильно расстроитесь?

Парни уже покатываются со смеху.

Швед усмехается и говорит властно и резко:

– Всё, хватит. Не испытывайте терпение Данте, а то станете жопоголовыми.

Швед знает меня лучше всех, поэтому понимает, что данная ситуация непривычна как для меня самого, так и для всех.

Парни умолкают спустя минут пять и уже советуют, чтобы я не пёр танком, а был мягким. Девушки пугливы, когда мужчина идёт на них тараном.

Швед смотрит на меня несколько секунд, а затем качает головой. Я не готов объяснять и рассказывать конкретно, кто она мой Ангел. И мы переходим к делам...

– Все прошло хорошо с последней отгрузкой? – спрашивает Швед и смотрит прямо мне в глаза, будто может прочитывать мои грёбанные мысли.

– Дело сделано. Всё прошло как по маслу, – подтверждаю я. – Фура прикатит к нам через неделю.

– Хорошо, – говорит Швед. – Контролируй, Данте. Новая точка отгрузки и новый маршрут – это всегда риски.

– У меня всё под контролем, – повторяю с нажимом, и Швед кивает.

– Крош, сегодня вылетаешь на Восток, проверишь и разберёшься с нашими партнёрами. Что-то не нравится мне, как прошла последняя поставка. Сроки нарушили и парней других поставили на доставку.

Швед кивает Крошу. Тот хмурится, как и остальные.

Да, чувствуется, что мутится какая-то хрень, словно кто-то решил дорогу нам перейти.

Крош достаёт мобильник и бронирует себе номер в гостинице.

– Итак, Данте, похоже, что на сегодня ты свободен. Какие у тебя планы? – спрашивает Швед, раздражая меня своим

вопросом.

– Проведу вечер один, – отвечаю уклончиво.

На самом деле я в полном нетерпении и хочу увидеть своего Ангела ещё раз.

Я уже знаю, где Ангелина работает, где живет, поэтому мне не составит труда снова встретиться с ней. Но я категорически не желаю, чтобы кто-то был в этот момент со мной, когда снова увижу её. Хотя, может быть, она испугается меня, если появлюсь один. Если приду в боулинг-клуб с кем-то из друзей, может,отреагирует спокойнее. Тем более, не гонять же шары в одиночку?

Но в любом случае, я должен увидеть её снова.

– Полагаю, Данте проведёт вечер вне дома, – усмехается Гена.

– Значит, он не будет сидеть дома и предаваться грустным мыслям? – ржёт Стас.

Смотрю на друзей убийственным взглядом и демонстративно разминаю пальцы, громко щёлкая суставами. Стас кривится, он не переносит этот звук.

– У тебя скоро появятся морщины, Данте, хватит этой свирепости во взглядах. Ты влюблён, так что давай, ждём от тебя нежностей... – подмигивает мне Гена.

Крош суёт мне в руки чашку с остывшим кофе, чтобы я не резал кому-то из этих придурков.

– Вы тут шутки шутите, а вдруг Данте, хоть и самый отмороженный из нас, да возьмёт и самым первым станет се-

мейным? Приличный человек будет, – произносит с видом знатока Крош. – Жена, дети, семья, а вы тут ржёте.

Перед глазами тут же появляется образ Ангелины. Глаза полны нежности и любви ко мне. Её живот круглый. Она беременна моим сыном или дочерью.

Она полностью принадлежит мне.

Вся моя – душой, телом, мыслями.

Закусываю губу, чтобы не зарычать. Стояк моментально даёт о себе знать, и яйца сжимаются до боли.

Хочу, чтобы это как можно скорее стало реальностью.

Хочу до сумасшествия сделать её своей – раздвинуть её ножки и наполнить спермой, чтобы с первого же раза забеременела.

Вдруг раздаётся треск, и по руке стекает тёплый кофе.

Я раздавил фарфоровую чашку.

– Бля, Данте... Тебе нужно из железа посуду выдавать. Ты уже сколько сервизов испортил! – ворчит Стас.

– Иди нахрен, – отмахиваюсь от него, вытирая руку.

Швед закатывает глаза и фыркает.

– Всё, валите отсюда, пока не начали громить мне кабинет. А ты, – он кивает мне, – возьми себя в руки и не натвори дел. Понял?

Хмыкаю и киваю.

Все встают со своих мест и идут на выход. Кладу руки на плечи Гену и Стаса и говорю им:

– Подкатывайте к десяти часам к боулинг-клубу.

Говорю им адрес и название клуба.

Парни переглядываются, а потом понимающе улыбаются.

– Лады-ы-ы! – довольно тянет Гена.

– Прямо интрига! – лыбится Стас. – Цветы захватить?

Твоя девушка какие предпочитает? Розы или лилии? Могу ещё шоколад купить хороший. Девочки ведь любят сладенькое.

У меня моментально темнеет перед глазами, и я сжимаю руки в кулаки, но нахожу в себе силы не взорваться.

Стас – придурок. Издевается просто, подкалывает. Видать, давно по зубам не получал. Надо бы его на ринг на выходных вызвать.

Гена качает головой. Он всё-таки поумнее будет.

– Принесёшь веник, шоколад или ещё какую хрень, затолкаю их тебе в глотку, – говорю предельно доступно.

Вместо страха, Стас ржёт и произносит:

– Да шучу я, шучу...

План действий становится предельно ясным.

Ангелина, мой лучезарный Ангел с глазами цвета синего-синего моря, станет моей женой, моей возлюбленной и матерью моих детей. С ней я создам семью и окружу её теплом и заботой. И она полюбит меня, хотя прямо сейчас и понятия не имеет об этом.

Но сегодня я сообщу ей такую простую истину.

#

– АНГЕЛИНА –

Вечер, как и весь прошедший день, выдался тёплым, в воздухе пахло пробуждающейся зеленью, хотя город всё ещё был «раздет».

Шумели машины, люди спешили с работы домой, а кто-то наоборот, только выбрался, чтобы провести вечер пятницы вне дома – на вечеринке или в клубе.

– Привет, Оль! – улыбаюсь своей коллеге – администратору, вихрем влетая в холл.

Оля кривит губы и качает головой.

– Прости, что опоздала, и спасибо, что дождалась меня, – благодарю девушку. – До района на метро быстро добралась, но вот маршрутка решила, что ей спешить никуда не стоит и плелась черепашим шагом! Собрала все пробки и светофоры...

Оля открывает рот, чтобы вставить слово, но я уже упорхнула в служебное помещение, а точнее, комнату для персонала, чтобы переодеться в рабочую форму.

Я уже два года как не официантка, а администратор, как и Ольга. Зарплата гораздо выше, чем была даже с учётом чае-

вых, но всё же недостаточно, чтобы на эти деньги снять квартиру и гостинку.

Продолжаю жить в гостинке, которую мне выделил Сергей Николаевич и помимо работы в боулинге я подрабатываю переводами и репетиторством. У родителей больше денег не прошу. Мне хватает. И не передать словами, как мама и папа горды за меня.

А к концу обучения меня приглашает на трёхмесячную стажировку с возможностью дальнейшей работы очень крупная и серьёзная международная холдинговая компания.

Они инвестируют и покупают акции других, более мелких компаний со всего мира. И, конечно же, им требуются молодые активные и способные сотрудники.

Мне повезло. Когда я проходила практику в одной из мелких компаний, акции которой, кстати, и купил этот холдинг, мне удалось достойно зарекомендовать себя. Меня заметил представитель холдинга и предложил подать заявку в их компанию.

Что я и сделала.

У меня великолепные результаты в универе. И такие же рекомендации от ректора и компаний, где я проходила практику.

В общем, после обучения холдинг ждёт меня для стажировки! Юху!

Сергей Николаевич рад за меня и разрешил мне жить в гостинке до тех пор, пока не смогу самостоятельно снять себе

квартиру. Но он говорит, что такие компании обычно предоставляют своим сотрудникам корпоративное жильё. Поживём и увидим.

Одним словом, жизнь у меня удачно складывается.

Каждый новый день я начинаю с благодарности бабе Нюре, которой три года уже нет на белом свете.

Если бы не она, то... Могло всё обернуться печально для меня. Может быть, и нет. Но в любом случае эта женщина значительно повлияла на мою судьбу, и я бесконечно ей благодарна.

А вот что стало с моими «родственничками».

Семья Климовых распалась. Светлана ушла к другому, и её судьба мне неизвестна и неинтересна.

А вот Иван Климов сидит в местах столь неотдалённых за хранение, употребление и распространение запрещённых веществ. Срок огромный, что вряд ли он оттуда теперь выйдет. А если и выйдет, то пойти ему будет некуда. Квартиру отняли и разделили между собой банки. Вот такая печальная судьба у дяди Вани.

Переодеваюсь в поло песочного цвета, брюки и переобуваюсь в спортивные туфли. Собираю волосы в низкий хвост и заплетаю в косу. На губы наношу немного помады иправляю очки.

Всё, я готова заступить на свою смену.

Вдруг замечаю у двери возле шкафчика ведро, в котором громоздится огромный букет из белых роз.

Мои брови взлетают от удивления.

Ничего себе! Это кому такая красота предназначается?

Не просто красота, а роскошь!

В букете явно больше ста роз, и бутоны такие крупные.

Не удержалась и понюхала цветы.

Приятный аромат и очень нежный.

Повезло же кому-то.

А мне вот никто не дарил цветов.

Ну, на восьмое марта не считается, парни всем девушкам дарят. Я говорю именно про любовь, поклонников... Хотя о чём это я? У меня не было отношений. Я ни в кого не влюбилась, и надеюсь, не влюблюсь, пока не сделаю карьеру. А цветы... Цветы и сама смогу себе купить. Или будущий мужчина мне подарит. Когда-нибудь.

Выхожу в зал и вижу хмурую Ольгу. А ещё обращаю внимание, что у нас как-то подозрительно тихо для вечера пятницы, хотя я точно знаю, что были забронированы все дорожки.

– Почему так тихо? – интересуюсь у Ольги.

На автомате принимаю у неё смену, ставлю подпись в журнале и застываю в недоумении от её ответа.

– Сергей сегодня к обеду прибежал как ошпаренный. Лично звонил всем клиентам, извинялся и отменял их брони, обещал предоставить дорожку на то же время, но на другой день... Совершенно бесплатно! За счёт заведения, ты представляешь!

– Это ещё что за новости? – удивляюсь я. – Что произошло? У нас намечается проверка? Нам запретили работать?

Хотя ничего подобного не намечалось, я была бы в курсе.

– Это лучше ты мне скажи, звезда боулинга, – беззлобно хмыкает Оля. – Какой-то тип до самого утра снял весь клуб. Приехал вместе с друзьями час назад, заказал напитки и катают шары. Ведут себя прилично.

– А я тут причём? – недоумеваю я.

– Ах, я же не сказала, – махнула она рукой. – Там один блондин притащил огромный букет белых роз и сказал, что это для тебя – для Егоровой Ангилины Геннадьевны. Ну ты и хитрюга, Геля. Всем заливаешь, что ни с кем не встречаешься, занимаешься чисто обучением и думаешь о карьере, а оказывается, вот оно что... Я не в претензии... Букетик кстати, видела? Это твой.

Она невозмутимо пожимает плечами, но в голосе отчетливо прослеживаются нотки обиды.

А по моей спине пробегает неприятный холодок. Я уже даже догадываюсь, что за блондин явился в клуб.

– Оля, – выдыхаю не своим голосом. – Я... Боже мой... Этот тип с утра ко мне привязался... Если это он, то...

– О чём ты? – не понимает меня Ольга.

Трясу головой и ощущаю помимо тревоги ещё и злость.

Разворачиваюсь и, чеканя шаг, иду взглянуть на блондина, что выкупил до самого утра весь боулинг и притащил розы.

Точно фурия влетаю в игровую зону и приближаюсь к трём мужчинам.

Скажите, что мне это снится.

Данте. Он самый.

Завораживающий? Нереальный?

В точку.

Совершенно не их тех гламурных мужчин, что каждое утро укладывают свои волосы, беспокоятся за внешность и следят за модой.

Этот... Данте внешне совсем другой.

Его типаж, как спасатель из книг и фильмов: эти герои ориентируется в любой местности – хоть на земле, хоть в воде. Он из тех мужчин, что ведут за собой, принимают ответственные решения и всегда говорят: «Всё будет хорошо. Верь мне». И все замирают, ловят каждое его слово...

Кажется, это называется «харизма»?

И наверняка он целуется так, что все мозги растерять можно.

В то же время он тот самый маньяк, что утром увязался со мной.

Мужчина поворачивает в мою сторону голову, моргает, словно удивлён моим появлением, а потом его губы расплываются просто в восхитительной улыбке.

Несколько бесконечных секунд мы тарачимся друг на друга.

И я сейчас, как дурочка, краснею до корней волос от его

пристального взгляда...

Что ему нужно от меня?

Разрываю зрительный контакт и собираю себя в кулак. Мне совершенно не нравится, что я чувствую себя уязвимо и растеряно.

– Что за игру вы затеяли? – рявкаю бесцеремонно, забыв про тактичность, и тут же запинаясь.

– Ангел мой... Ты здесь... – произносит он таким восхищённым тоном, что я просто хлопаю глазами.

#

– ДАНТЕ –

– Зачем вы здесь? – со смесью страха и гнева интересуется мой Ангел.

Глаза полны непонимания и весьма неприятного удивления. Прискорбно.

– Есть две причины. Первая – игра в боулинг, – произношу мягко. – Вторая – это ты, Ангелина. В большей степени всё же из-за тебя. Кстати, тебе передали цветы? Они тебе понравились?

Девушка бросает полный гнева взгляд на моих друзей, потом одаривает им меня и произносит:

– В боулинг играйте, сколько хотите. А вот второй вариант меня совершенно не устраивает. И цветы свои заберите, мне они не нужны.

Она вдруг заливается краской смущения и добавляет воинственно:

– У меня жуткая аллергия на розы.

– Да? – вздёргиваю брови. Врёт. Даже ушки покраснели. Так бы и зацеловал её... прямо сейчас.

– Аллергия только на розы? Как насчёт пионов? Или орхидей? Орхидеи невероятно прекрасны и нежны. И очень схожи со сосредоточением женской сексуальности.

Она смущена и отводит взгляд, поджимает губы. Но злость придаёт моему Ангелу сил, и она вновь смотрит на меня и выдыхает раздражённо:

– У меня на все цветы аллергия. Так что зря старались. Данте.

Моё имя произносит жёстко, резко, словно пытается выразить тоном всю степень своего негодования.

– Хорошо. К чёрту цветы, – пожимаю плечами. – Как насчёт совместного ужина? Только ты и я? Мои друзья уйдут.

Она дерзко задирает подбородок и мрачно обещает мне:

– Вы – псих. А значит, я не пошла бы с вами на ужин, даже если бы вы остались единственным мужчиной на всём белом свете!

Весёлые смешки моих друзей заставили меня одарить их многозначительным взглядом.

– Вы одним словом точно охарактеризовали Данте, – ржёт Гена.

– Псих, он и в Аду псих, – добавляет Стас.

Нет, я точно сделаю из их тупых голов шары для боулинга.

– Идите-ка, перекурите, – произношу со скрытой угрозой.

Парни тут же оставляют шары, хватают свои бокалы с пивом и, продолжая посмеиваться, уходят.

Стас оборачивается и бросает моему Ангелу:

– Осторожнее с ним, малышка! Данте очень горячий! Может обжечь! Если что – зови! Спасём!

Совсем страх потерял. Точно на ринг вытащу его тупую задницу и выбью из него всю дурь.

– Не слушай их, – произношу, как мне кажется, легко и непринуждённо.

Но девушка вдруг обнимает себя за плечи, делает несколько шагов назад, чем вызывает у меня неприкрытое и сильное желание приблизиться к ней вплотную, вжать в своё тело и наброситься на мягкие губы, а потом...

Резко выдыхаю и говорю:

– Сыграешь со мной?

– Я на работе, – произносит она деловым тоном. – А вы играйте. У меня к вам лишь одна просьба. Точнее, совет.

– Хм. Совет? – улыбаюсь криво. – Ненавижу советы.

– Но всё же я вам его дам, – говорит она с нажимом. Облизывает свои невозможные губы и с придыханием произносит: – Оставьте меня в покое. Не смейте меня преследовать,

дарить цветы и прочее, что бы вы там не задумали. Вы мне не нравитесь, Данте. Надеюсь, вы меня услышали и приняли к сведению.

Нет, девочка моя. Не услышал. Не принял.

– Это очень хреновый совет, Ангел, – мой голос становится ниже от бури, поднимающейся изнутри. – Я не оставляю тебя. Никогда. Я нашёл тебя и уже не отпущу. Раз я псих, значит, я болен. Безнадёжно болен тобой, Ангел. Как только увидел, так и заболел.

В два шага преодолев расстояние, разделяющее нас, кладу руки на её худенькие плечи. Она вздрагивает и вцепляется пальчиками в мои ладони, пытаюсь стряхнуть с себя мои руки. Чуть сильнее сжимаю и немного зловеще улыбаюсь ей.

– Я хочу тебя, как только увидел. Хочу твоё тело, твою душу. Всю тебя хочу, Ангелина. Без остатка. И мой тебе совет, Ангел, просто скажи: «Да».

Её глаза цвета моря за линзами очков расширяются в откровенном шоке. Сладкие губы приоткрываются, и она вдруг вскрикивает:

– Больной! Отпустите и отвалите от меня, иначе я сообщу в полицию!

Я смеюсь и качаю головой.

– Не поможет, сладкая. Просто соглашайся. Взамен, ты получишь всего меня. Позволишь тебя поцеловать?..

Склоняюсь к её губам...

И вдруг она со всей силы заряжает мне коленкой по яй-

цам.

Твою ж... Бля-а-а...

Разжимаю руки, и она тут же убегает от меня. Но неожиданно останавливается, разворачивается и яростно шипит:

– Только попробуйте снова приблизиться ко мне! Обещаю, я сразу сообщу полиции, что вы меня преследуете и помогаетесь!

Поджимает упрямо губы и добавляет:

– Псих!

И уходит, чеканя шаг.

Падаю на стул, сжимая яйца. Смеюсь и одновременно кривлюсь от боли.

Она не просто Ангел. Она Карающий Ангел!

Глава 6

#

– АНГЕЛИНА –

По телу проносится дрожь ужаса.

Я ударила клиента! Да ещё психа, который явно не собирается оставить меня в покое. Мне становится так страшно, что я начинаю мелко дрожать.

Но он сам виноват! Данте вынудил ударить!

На самом деле у меня перехватило дыхание, когда он приблизился и сжал мои плечи своими большими и сильными руками. Это было нежное, но уверенное прикосновение. На какой-то миг я забыла, что передо мной психопат.

В этот миг я смотрела в его глаза, похожие на небо в ясный и морозный день. Они такие яркие, просто гипнотические глаза, что перестаю дышать.

Но своими словами и действиями он меня откровенно пугает, шокирует и, одновременно, интригует. Разве так бывает?

Я вижу, что мужчина – властный, уверенный и резкий.

Привыкший получать всё и сразу.

Родился поди с золотой ложкой во рту и теперь считает, что мир создан только для него одного.

Я сбегаяю и иду к бармену.

– Коль, привет! – улыбаюсь парню довольно нервно. – Сделай мне, пожалуйста, кофе.

– Сию минуту, – кивает он мне. Прекращает натирать барную стойку, склоняется над ней и, хмурясь, спрашивает меня: – Что это сейчас было? Этот тип тебя обидел? Он руки распускал? Если так, то я прямо сейчас вызову охрану, и его выведут...

– Нет, всё в порядке, – смеюсь чересчур наигранно. А у самой руки мелко дрожат, и сердце бьётся, как птица, пойманная в силки. – Это я нетактично повела себя...

– Ты? – хмыкает Николай. – Геля, ты – сама тактичность. Ни за что не поверю.

Вздыхаю, киваю и уверенно произношу:

– Коль, спасибо за беспокойство, но, правда, всё в порядке.

Он качает головой.

– Ты его знаешь? На твоего парня, точнее, мужчину, точно не похож, но цветы для тебя принёс. Я видел, как он гордо тут выхаживал со своим веником, будто хозяин клуба.

Я смеюсь.

– Нет. Он никто для меня, и я его не знаю, – отвечаю с улыбкой.

Меня отпускает.

Коля делает любимый мой раф и придвигает чашку.

– Держи, – улыбается он мне тепло.

Обхватываю кружку двумя руками, и вдруг Коля кладёт свои руки поверх моих.

В немом удивлении смотрю на него.

Это ещё что такое?

Бармен заглядывает мне в глаза и тихо произносит:

– Ангелина, если вдруг тебе кто-то станет докучать, ты мне сразу говори, я решу вопрос, хорошо?

– Руки от неё убрал. Живо!

Воздух вдруг моментально заледенел.

Данте стоит за моей спиной. Он касается меня. Его руки вдруг обвивают мою талию. И моё тело начинает вдруг дрожать не только от страха, но и от предвкушения. Я должна психануть, дёрнуться, сказать, чтоб отвалил – но что-то в голосе мужчины вынуждает меня оставаться неподвижной и молчаливой.

Его руки горячие. Неожиданно другой рукой он сжимает мою пятую точку! Я резко выдыхаю, словно получила под дых.

Его прикосновение, как удар тока. По коже бегут одичавшие мурашки. Снова дрожу и смотрю на мрачного Колю, который глядит поверх моей головы на стоявшего позади меня Данте.

Первая выдёргиваю руки, и Коля свои тоже убирает. Он

отводит взгляд, краснеет до корней волос, рваным движением хватает полотенце и начинает натирать и так чистые бокалы.

Сглатываю и оборачиваюсь.

Успеваю заметить просто жуткий взгляд Данте, от которого меня пробирает, как от лютого холода.

Ого.

Данте моргает, и его взгляд смягчается. Он усмехается и смотрит на меня.

– Вам было мало? – говорю тихо, но Данте меня прекрасно слышит.

Он стоит ко мне так близко, что я ощущаю запах и жар его большого тела. И в этот миг понимаю, насколько он огромный.

В сравнении со мной и вовсе гигант. Моя голова едва достаёт до его ключиц. Рядом с ним я чувствую себя крошечной и хрупкой.

По какой-то неизвестной мне причине я неожиданно для самой себя возбудилась.

Хмурюсь, потому что не понимаю... Я ненавижу, когда кто-то нарушает моё личное пространство. Мне всегда некомфортно и нервно находиться с кем-то настолько близко.

Но с этим странным и явно ненормальным мужчиной я чувствую раздражение и... покой.

Меня охватывает странное и непривычное мне ощущение

безопасности.

Но наваждение быстро проходит, когда Данте открывает рот и говорит. Говорит низко, спокойно, и в его голосе сквозит опасность:

– Никто не смеет к тебе прикасаться, Ангел. Никто, кроме меня. Если этот барменишка ещё раз тебя тронет, хоть пальцем заденет, нарочно или случайно – не важно. Я выбью ему зубы и сломаю руки.

Эти слова адресовались по большей части Коле, а не мне.

Но меня они напугали, наверное, гораздо сильнее, чем Николая. Потому что Данте не шутит. Я вдруг отчётливо понимаю, что он это сделает с Колей.

Мои глаза широко распахиваются, а сердце быстрее бьётся в груди.

Боже мой! Из всех мужчины огромного мира, ты решил свести меня с больным психопатом?! Серьёзно?! За какие грехи, чёрт возьми?!

– Не смейте угрожать моему коллеге! – рычу я, гневно раздувая ноздри и глядя на большого и здорового мужчину снизу вверх. Наверное, смотрится это до безобразия нелепо – какая-то козявка скалится на огромного и опасного хищника.

Данте на мой гнев лишь скептически поднимает бровь.

Меня всё это начинает злить. Никто не смеет без моего разрешения влезать в мою жизнь!

– Я серьёзно, – добавляю низким, чуть вибрирующим то-

ном. Меня колотит от напряжения, злости и страха. Да, мне страшно. Страшно, что я могу сделать только хуже, но остановиться не могу. – Я сама решаю и выбираю, кто может ко мне прикасаться и кто будет со мной общаться. Я, быть может, давно мечтаю стать девушкой Николая, а тут вы... мешаете мне строить личную жизнь. Оставьте меня, Данте.

Вдруг его лицо каменеет. Он с такой силой стискивает зубы, что я отчётливо слышу скрип и вижу, как заиграли желваки на его скулах. А взгляд резко мрачнеет точно так же, как темнеет небо перед штормом. Голубые глаза стали свинцово-синими, опасными, резкими.

Я кожей ощущаю его злость, пробудившуюся от моих неосторожных слов. Она очень неприятная, что хочется поморщиться, как если бы я порезалась о лист бумаги.

– Ангел, мне очень жаль разрушать твои планы, но об отношениях с другими мужчинами тебе придётся забыть. Кроме меня. У тебя больше нет, и никого не будет. Только один я. Прошу, прими это.

Мягкие ноты в его голосе ни черта не радуют. Я втягиваю голову в плечи, и мне хочется сбежать, куда подальше от гнева этого ненормального.

Вероятно, все мои эмоции, как ядерный коктейль, отражаются на моём лице.

Я слышу стук собственного сердца в ушах – это какое-то наваждение, дурной сон. Это не может быть реальностью.

Мотаю головой из стороны в сторону. Сжимаю руки в ку-

лаки. Страх отступает и его место вновь занимают раздражение и злость.

Да как он смеет!

– Последний раз прошу – отвалите от меня! – вскрикиваю резко и толкаю мужчину в грудь, пытаюсь сдвинуть его от себя хоть на миллиметр. Но с таким же успехом я могла бы толкать и бить бетонную стену.

Но этот гад вместо того, чтобы внять моим словам и катиться в задницу, вдруг берёт меня за плечи, склоняется и накрывает своими губами мои губы.

Всё происходит настолько быстро, что я не успеваю сообразить и среагировать. От откровенного удивления и наглости раскрываю рот, и мерзавец использует моё замешательство в своих целях – Данте врывается языком в мой рот.

Горячие и жёсткие губы сминают мои. Дико, яростно, почти до боли. Он вжимает меня в своё тело так сильно и резко, что я ощущаю его желание!

Он мучает и терзает мой рот. Он наматывает мою косу на кулак, заставляя прогнуться, а потом его жаркие губы оставляют на моей шее сильные поцелуи, каждый словно клеймо! Засосы ведь останутся!

Но вместо того чтобы закричать, замолотить руками по нему, моё тело вдруг застывает камнем, а голос пропадает. Из моего горла вырывается лишь хриплое и судорожное дыхание.

И тело дрожит как в лихорадке, и что самое отвратитель-

ное – моему телу всё происходящее нравится!

Боже мой, да я извращенка.

Тело моё плавится, неожиданное желание прошибает, словно в меня влетает молния. Сами собой мои пальцы вдруг цепляются за могучие мужские плечи. Мне кажется, пол из-под ног куда-то ушёл, и я сейчас упаду...

Я – идиотка.

Данте резко обрывает свои поцелуи, держит меня за плечи и смотрит на меня затуманенным, хмельным взглядом.

– Ты – моя, – произносит он хриплым, словно простуженным голосом.

Меня накрывает дикий стыд. Он обжигает не меньше поцелуев Данте. Только от стыда мне больно и гадко.

Коля всё видел. Наверное, официанты и повара из кухни подсматривали и тоже всё видели!

Да и камеры везде. Все-все коллеги узнают о моём позоре.

Отчаяние захлёстывает. На глаза наворачиваются злые слёзы.

Хватаю кружку со своим кофе, сжимаю её крепко, словно мечтаю раскрошить и выплёскиваю раф прямо в лицо Данте.

Капли горячего напитка попадают и на меня: на лицо, волосы, одежду.

Но основная часть стекает с удивлённого лица Данте.

Медленно он поднимает руку и смахивает с лица кофе.

Я сглатываю, но неожиданно для самой себя уверенно, чётко и очень зло произношу:

– В следующий раз это будет раскалённое масло.

Данте смотрит на меня долгим мрачным взглядом, и я уже приготовилась к самому страшному наказанию, как вдруг он начинается смеяться.

Он реально псих.

Отсмеявшись, на полном серьёзе произносит:

– Из твоих рук, Ангел, и твоими руками даже нож в сердце станет для меня радостью.

Усмехается и переводит взгляд на Николая.

– Присматривай за ней. Чтобы никто не смел к ней прикасаться.

Я уже набираю в лёгкие воздуха, но Данте не позволяет мне сказать.

– Ещё увидимся, Ангелочек.

И уходит.

Причём конкретно уходит. Из клуба.

Провожая его фигуру напряжённым взглядом и выдыхаю. Словно сдуваюсь, как чёртов воздушный шарик.

Поворачиваюсь к Коле, прячу взгляд и говорю извиняющимся тоном:

– Пожалуйста, прости... Я...

– Всё в порядке, – перебивает он меня бодро. – Мужик молодец. Чётко и по делу.

Вскидываю на него удивлённый взгляд и произношу:

– Ты сейчас пошутил, да?

Коля невозмутимо пожимает плечами, делает мне новый

кофе и говорит:

– Никаких шуток. Он реально крут. Пришёл, увидел...

– ...получил по яйцам, – заканчиваю мрачно. Хлопаю ладонями по столешнице. – Коля, этот псих тебе угрожал!

– За свою девушку я тоже бы и угрожать стал, и драться, – снова говорит он таким тоном, словно мы обсуждаем погоду. – Правда, Гель, мужик чёткий. И видно, что «воздушный». Не на помойке себя нашёл. И ты ему реально в сердце запала.

Он протягивает мне новый раф и подмигивает со словами:

– И я реально приглажу за тобой.

Поджимаю недовольно губы, беру кофе и иду на своё рабочее место.

Сейчас посмотрю номер телефона этого Данте, забью в интернет, узнаю, что он за тип, и как мне с ним бороться.

Глава 7

#

– АНГЕЛИНА –

Смотрю на белые розы, и рука не поднимается выбросить их.

Пальцами касаюсь своих опухших губ. Они немного саднят. Ещё никто и никогда не целовал меня так страстно и собственнически, как Данте.

Хоть его поцелуй был грубым, но одновременно сам мужчина был нежным. Он не хотел причинить мне боль. Он хотел, чтобы я почувствовала его мощь, ауру и силу желания. Это было необычно, это было возбуждающе, это было пугающе.

Не понимаю саму себя. И едва дышу от злости на саму себя и на Данте. Почему я не нахожу его выходку омерзительной?

Пытаясь совладать со своими разобранными чувствами и сбившимся от волнения дыханием, я беру ведро с цветами и задвигаю их в самый дальний угол – в чулан, где наша

уборщица хранит все принадлежности для уборки – швабры, губки, тряпки.

Почти тоже, что и выбросила.

Возвращаюсь к своим обязанностям и понимаю, что вечер сегодня будет тихим. Из-за Данте отменены все заказы. Никого нет. Только если кто-то решит просто прийти, без записи... Но уже давно люди приучены заранее записываться куда угодно.

Но может, оно и к лучшему? Я сейчас нахожусь в возбуждённо-злобном состоянии. В голове хаос, а в теле чувствуется слабость после его прикосновений.

Стыдно признаться... но... я бы не прочь повторить этот поцелуй...

Боже! О чём я только думаю?!

Мне не нравится это ощущение – оно опасное. Мне не нужны отношения с большим человеком. Ни к чему хорошему они не приведут. А у меня будущее распланировано. Мне нужно об учёбе думать, о дипломе и карьере, а не о поцелуях блондинистого психа! Даже если он обольстительный и властный, безжалостный, но нежный.

Так, я же хотела узнать о нём информацию. Кто он, что он?

Нахожу в заказах контакт и неприятно удивляюсь, что заказ делал не Данте, а некто Данилов Денис Александрович. Наверное, кто-то из его друзей.

– Чёрт, – выдыхаю раздражённо и с силой закрываю папку

с записями.

Смотрю на себя в зеркало и вспоминаю, как этот ненормальный наматывал мою косу на свой кулак.

Сейчас же записываюсь в салон, чтобы завтра отрезать косу.

#

– ДАНТЕ –

Выхожу из клуба и сразу налетаю на хмурые взгляды Гены и Стаса.

– Что? – скалюсь я.

– Ты просто чудовище, – хмыкает Стас, но его глаза серьёзные.

– Не новость. В чём дело? Почему лица похоронные?

– Придётся боулинг прервать. Уж прости, Данте. Но нарисовалось одно дело, – вздыхает Гена. – Крош ещё не в курсе, он сейчас в самолёте летит...

– Ты мямлить долго будешь или уже скажешь, какого хера произошло? – рычу я. – Швед звонил?

Я на взводе: моя Ангел не просто с характером, она – кремень. Но бя... Какая же она вкусная. Сладкая. Маленькая. Мягкая. Тёплая. И в то же время строптивая, страстная.

Стояк жутко мешает, хоть садись в тачку и дрочи, представляя губы Ангела, её затуманенный взгляд и...

– Не Швед. Позвонила девушка Кроша. Её дочь похитили. Позвонила какая-то мразь и требует выкуп за девочку, – говорит Гена.

Дальше я не слышу ни его слов, ни его голоса. Звуки исчезают. Из самых тёмных, злых уголков моей души поднимает голову Монстр.

Да, в моей душе давно поселилось Зло. Оно засыпает и пробуждается в подобные моменты.

Перед глазами возникает образ моей сестры – красивой, чистой, улыбочливой и такой живой.

Но этот светлый образ сменяет страшная картина – она искалечена, изуродована и мертва. И я опознаю её тело...

После я вижу тех мразей. Слышу их смех. Они бросаются тухлыми шуточками в мой адрес. Они начинают говорить *о ней*... В тот миг Он и возникает – Монстр.

Этого Монстра создали ублюдки, решившие отчего-то, что им всё позволено. Позволено обижать женщин, детей. Похищать их, издеваться над ними. Убивать их.

И моего Монстра сдержать невозможно. Никто не в силах уничтожить его. Даже я.

– И ты знаешь, кто это? – спрашиваю абсолютно спокойным, уверенным и полным предвкушения голосом.

Как и любое животное, Монстра тоже нужно кормить.

– Дарья говорит, что не знает, кто звонил, голос был изме-

нён, и номер незнаком, но подозревает, что это её бывший. Стас уже написал нашему менту, чтобы звонок пробил, – отчитывается Гена.

Перевожу взгляд на Стаса. Он как раз с кем-то переписывается в телефоне.

Стас произносит, не отрывая взгляда от гаджета:

– Крош говорил, что Дашкин бывший, как только узнал, что он появился в её жизни, начал помогать ей с ребёнком и деньгами, да и просто оберегать их, попробовал выбить из девушки бабло. Шантаж там, угрозы. Типа ребёнка отберёт, если она не заплатит. Просил даже украсть у Кроша деньги. Даша не дура, всё рассказала. Крош пришёл в ярость и отбрил придурка. Тот в больничку почти на полгода отчалил. И вот, пожалуйста, ноги отсюда и растут...

Да, Крош рассказывал. Познакомился он с одной милой девушкой Дашей, но забитой, пугливой и с трёхлетним ребёнком на руках. Влюбился и пропал. А говорил, что после двух неудачных браков уже никогда не влюбится.

Стас поднимает на нас жёсткий взгляд:

– Звонил некто Пётр Романович Степков. По чистой случайности он брат Леонида Романовича Степкова – бывшего мужа Дарьи.

– Адрес узнал? Откуда звонок поступил?

– Обижает, – зло усмехается Стас. – Кстати, ментам она не звонила. Ублюдок пригрозил, что убьёт малышку.

– Позвонила тебе, – киваю на Гену.

– Да.

– Тогда едем. Вернём ребёнка матери.

– А ублюдков? Оставим Крошу или сразу... того?

– Сначала посмотрим на их поведение.

#

Оба грёбанных пидора прячутся в заброшенном бараке самого стрёмного района. Здесь тусуются конченные наркоши. Это пробившие самое дно с прогнившими душами и телами нелюди. Ради дозы дерьмо сожрут, убьют, разорвут.

Походу киднепперы как раз из таких.

Мы не проводим разведку. В этом месте нет смысла.

В нужном нам бараке лишь на втором этаже в одной только комнате горит тусклый мерцающий свет.

Влетаем на второй этаж бесшумным вихрем.

Верные «ГТ» с глушителем наготове.

Гена прикрывает наши со Стасом спины. Я иду первым, Стас за мной.

Замираем перед нужной дверью и отчётливо слышим детский плач и громкие голоса двух мужиков.

Один пытается успокоить перепуганного ребёнка. Другой что-то мямлит про бабло и новую жизнь.

Уроды.

Убираю пистолет за пояс и прикрываю курткой. Малышку пугать не хочу.

Осторожно толкаю незапертую дверь. Она без замка. Дерево от времени давно уже рассохлось, и от моего прикосновения трухлявые куски сыплются на пол.

Мягко ступая, бесшумно вхожу в провонявшее мочой, дерьмом и блевотиной помещение, когда-то бывшее коридором.

Под ногами мусор.

Свет горит в одной из комнат.

Быстро заглядываю в нужный проем, и мне этого хватает для оценки ситуации.

Жестом показываю парням, чтобы просто прикрывали мою спину и не вмешивались.

Достаю пистолет. Взвожу курок.

Убивать ублюдков не собираюсь. А вот вырубить их нужно.

Киваю парням и поднимаю кулак. Начинаю отсчёт.

Один. Два. Три.

Влетаю в комнату и стреляю из «ТТ».

Даже с глушителем всё равно звук выстрела отчётливый, просто уши не вылетают.

Звучит слабое «пффт...», «пффт...»

Одному и другому стреляю точнёхонько в плечо.

Мужики падают на пол и орут благим матом.

Быстро подхожу и добавляю по этим мразёвским ромам ботинком.

Они ненадолго вырубаются.

Маленькая девчушка с непокорными кудряшками сидит на грязном и вонючем матрасе. Она спиной вжимается к обшарпанной стене и горько плачет. По лицу размазывает пухлыми кулачками слёзы, смешавшиеся с пылью и грязью, и не понимает, где мама, почему она не рядом и почему так страшно.

Убираю пистолет и сажусь на корточки перед ребёнком.

Нависать над крохой и пугать её ещё больше ни в коем случае не хочу.

– Ш-ш-ш... Теперь всё хорошо, – говорю негромко и мягко ей улыбаюсь. – Нас за тобой мама отправила.

– Мама? – сквозь плачь и икоту переспрашивает девочка. Киваю ей.

– Тебя как зовут, кроха? Меня Данте.

Девочка перестаёт реветь. Икает и сквозь икоту произносит:

– Саша...

– Александра, значит. Красивое имя.

Оборачиваюсь. Гена и Стас этих ублюдков уже оттаскивают в другую комнату. Отлично.

– Дядю Гену знаешь? – киваю на друга, когда тот возвращается.

Девочка не сразу, но кивает.

– Он отвезёт тебя домой к маме, – произношу уверенно, но всё так же мягко. – Она тебя очень ждёт.

Гена уже набирает Дарью.

– Отвези её и успокой Дарью, – говорю другу. – Мы со Стасом тут дальше сами.

– Если их сейчас убьёшь, Крош расстроится, – говорит Гена и берёт малышку на руки.

Она утыкается ему в плечо, окончательно успокаивается. Потом смотрит на меня через плечо Гены отчего-то так спокойно, хотя недавно в её глазах плескался вселенский ужас, и вдруг показывает пальчиком на меня и говорит картаво:

– Кылья.

Оборачиваюсь, но, кроме мусора и окна, затянутого пожелтевшей плёнкой, не вижу никаких крыльев.

Хмыкаю и иду к Стасу.

– Скоро очухаются, – говорит он и сплёвывает на пол.

– Отлично, – выдыхаю с предвкушением.

Снимаю куртку. Разминаю шею и щёлкаю пальцами.

Глава 8

#

– ДАНТЕ –

Один из ублюдков стоит на коленях после моих ударов и сплёвывает кровь, заодно и несколько зубов.

– Я тебя урою... тварь... – хрипит Степков младший. Тот что выкрал ребёнка. Дядя малышки.

Хотя какой он нахер дядя? Это просто мразь, пачкающая мир своим существованием. Как и его старший брат. Как и остальные подобные подонки.

– Смотри-ка, Данте, – усмехается Стас. – Он думает, что живым останется.

Дёргаю уголками губ и произношу очень спокойно и негромко:

– Хочешь узнать, что я чувствую, причиняя боль таким вот ублюдкам, как ты? Мм?

– Иди на хуй! – рычит Степков и снова сплёвывает кровь и облизывает губы.

Руки у него связаны за спиной, и он шатается, стоя на ко-

лениях. В глазах – ненависть. Страх нет. Пока нет. А вот Степков старший быстро сдался – пара ударов от Стаса, и он в глубокой отключке. Но может быть и хорошо. Пусть отдохнёт, потом увидит, что я сделал с его брательником и поймёт, какое веселье ожидает и его.

– Я всё равно расскажу, – произношу медленно и обхожу его по кругу. Затем хватаю за сальные короткие волосы и запрокидываю его голову, вглядываюсь в омерзительное лицо и говорю со зловещей улыбкой: – Когда я делаю больно плохим парням, я испытываю удовлетворение.

– Мне срать, что ты, тварь, испытываешь... – плююсь кровью, рыча от бессилия и злобы, шипит подонок. – Я за себя всё знаю. Я не без греха. И хоть я сделал много дерьма в жизни, но я могу честно сказать, что я никого не убил, никого не калечил. За своё я отвечу. А вот тебя, засранец, ждёт самый страшный суд.

Рывком отпускаю его голову и захожусь в истеричном смехе.

Стас тоже ржёт и качает головой.

– Ты веришь в Бога? – сквозь смех спрашиваю его. – Ты? Похититель детей? Веришь, но не следуешь десяти Его заповедям?

Меня охватывает неистовый, просто огненный и бешеный гнев.

– Будто ты следуешь. Будто кто-то из людишек следует, – издевательски смеётся урод.

Я холодно улыбаюсь.

– Я скажу тебе одну вещь, – произношу острым, словно бритва тоном. Ублюдок вздрагивает. Ощущает перемены.

– Бояться должно лишь того, в чём вред
Для ближнего таится сокровенный;
Иного, что страшило бы, и нет.⁴

– Что это за хрень? – смеётся мне в лицо эта гнида.

– Это «Божественная комедия», – произношу я, сжимая руки в кулаки. Вновь обхожу мерзавца по кругу. Пора прекращать разговоры.

– Ты псих, – продолжает он смеяться. – Ты – безумец.
Сажусь на корточки. Заглядываю ему в лицо и говорю:
– А кто сказал, что безумцем быть плохо?

Он видит что-то в моих глазах пугающее для себя и прекращает смеяться. Теперь я вижу, как на его лице отпечатывается страх. Даже ужас. Дикий, липкий, зловонный.

Поднимаюсь и произношу свою любимую цитату:

– Чем ближе к совершенству каждый станет, Тем ярче в нём добро и злее зло.

Стас смотрит на меня, замерев. Друзья всегда стараются стать незаметнее, когда на меня находит хладнокровное бесшество.

Достаю свой нож и смотрю на его лезвие – острое и смер-

---

⁴ Данте Алигьери «Божественная комедия» Ад, Песнь вторая (Прим. Автора).

тоносное. Оно изготовлено вручную, из дамасской стали. На удобной рукояти выгравирована гидра. Подарок Шведа.

– Крош мне «спасибо» не скажет за твою смерть и смерть твоего брата. Я знаю, что он сам бы вас кончил. Выпотрошил бы, как грязных свиней. Но он мой друг. Он часть моей семьи. И я не хочу, чтобы кто-то из них дополнительно пачкал руки в крови таких ублюдков, как вы. Можешь помолиться перед смертью. Можешь сказать последнее слово.

Мужик кроваво улыбается и плюёт мне на ботинки. Но промазывает.

– Жаль. Мог бы искупить свои грехи молитвой. В прошлой жизни я реально верил, что ОН простигает своё прощение тем, кто кается и получает его.

Хватаю ублюдка за плечо и рывком поднимаю его с колен. Смотрю в его глаза и вижу на лице отражение прогнившей душонки. Не уверен я, что даже Ад примет такую мразь.

Одним мощным и точным ударом вонзаю нож ему в грудь по самую рукоять – в самое сердце. Затем наклоняюсь к его уху и произношу холодно:

– Всем тварям, что я убил, передавай от меня пламенный привет.

Его тело дёргается. С губ срывается предсмертный всхлип. Под ногами собирается лужа – ублюдок обмочился.

Медленно вытаскиваю свой нож из груди ублюдка.

Разжимаю пальцы, и мёртвое тело падает на прогнившие доски, когда-то бывшие полом.

Присев, вытираю нож о рубашку мертвеца.

Когда один умер, другой, наконец, приходит в себя.

Степков старший стонет и не сразу осознаёт, где он и что происходит.

Приходится помочь с возвращением памяти.

– Ты и твой младший брат похитили маленькую девочку, – ледяным тоном произносит Стас. – Требовал у её матери выкуп.

Стас хватается его пальцами за подбородок, с силой сжимает и рычит ему в рожу:

– Ты реально думал, что это сработает? Что Крош – дебил и лох? Что Дарья не сообщит нам о похищении?

Мужик трясётся со страха и что-то мычит.

А когда его взгляд падает на тело младшего брата, начинает выть, скулить и умолять нас не убивать его.

– Пожалуйста... Прошу-прошу-прошу... Я всё, что угодно, сделаю... Что хотите... Только... Не убивайте меня-а-а! Я не хочу умира-а-ать!

Качаю головой и говорю брезгливо:

– Твой младший брат хоть и подонок, но был бесстрашным.

Мужик самым натуральным образом рыдает. Пускает слюни пузырями. Из его носа текут сопли. Омерзительное зрелище.

– Умоляю вас... – скулит он. – Я же не похищал Сашу... Это не я...

– Не ты. Твой брат. Но ты всё спланировал. И признавайся, ты ведь собирался убить младшего братишку, если бы получил выкуп? Так? – интересуюсь у него.

Он часто кивает. Страх делает Леонида Степкова.

– И как насчёт девочки? Ты бы вернул её матери? Или оставил бы здесь? В этом убогом месте? Куда могли зайти обдолбанные наркоманы? Психопаты и прочие ублюдочные рожи?

– Я... Я... Просто хотел денег, – говорит он. – Почему эта стерва может быть при деньгах, а я нет? Если не я, то Сашка бы не родилась!

– Какая же ты крыса, – сплёвываю я. – Об тебя даже руки марать не хочется.

– Сука! Это же твоя дочь! – рявкает Стас.

Не сдерживается и наносит мощный удар в челюсть. Раздаётся характерный хруст. Стас сломал ему челюсть. Голова Степкова запрокидывается. Он трясётся ещё сильнее и скулит от боли.

– Ты поступил очень погано. И за этот поступок придётся платить, – произношу устало. Азарт схлынул. Монстру не по вкусу эта мразь.

Не слушаю его скулёж. Перерезаю ему горло и обрываю нить жизни.

Тело падает к моим ногам. Крови много. Успеваю отойти от набежавшей лужи.

Киваю Стасу и говорю:

– В тачке есть канистра с бензином. Давай спалим это гиблое место.

Когда старый барак полыхает, стонет, окончательно умирает, хороня вместе с собой все грязные тайны прошлого и настоящего, и озаряет пламенем весь грёбаный наркоманский район, я произношу:

– Поехали, Стас. Хочу в душ и спать.

Стас хлопает меня по плечу и говорит:

– К своей девушке пару дней не заявляйся. Ты после подобных дел всегда точно зверь. Напугаешь её, Данте.

– Иди на хер, – отмахиваюсь от него и сажусь в тачку.

Где-то вдали уже слышны звуки сирен: пожарные и полиция спешат на помощь.

К счастью, трухлявый барак сгорает быстрее.

#

Уже дома срываю с себя всю одежду, сбрасываю обувь и заталкиваю их в мусорный мешок.

Захожу в душевую кабину и включаю обжигающе горячую воду. Моя кожа вмиг становится красной. Ванная комната заполняется белесым паром.

Закрываю глаза и позволяю воде смыть с себя грязь, кровь, запах смерти и огня.

В темноте закрытых глаз я вижу сияние. В нём появляется прекрасный лик моего Ангела.

Она так нежна и одновременно порочна, что моментально возбуждаюсь. Вспоминаю вкус её губ, их мягкость и тепло, и невольно издаю стон.

Член напрягается настолько, что это невозможно вынести. Низкое, грудное рычание вырывается из моего рта.

Сжимаю собственный член и быстро двигаю рукой.

Всего лишь пара минут, и я кончаю, представляя Ангелину. Внутри всё сжимается от неудовлетворённости. Хочу её до невозможности. Хочу, чтобы она была подо мной, со мной и стонала в унисон, кончала от моих ласк и звала меня...

Как же я её хочу...

Мои эротические фантазии прерывает телефонный звонок.

Выключаю воду и вхожу из душевой кабины.

Звонок от Шведа.

– Да? – рявкаю недовольно.

– Ты где? – звучит не менее недовольное.

– Дома. Душ принимаю.

– Не забудь мозги хорошенько промыть, – ворчит Олег. –

Мне едва удалось уgomонить Кроша и убедить его остаться и сделать дело. Имей в виду, он уже знает и по возвращении открутит тебе голову.

– Сначала пусть поблагодарит, – хмыкаю в трубку. – Это всё, что ты хотел сказать?

– Не всё. Это была прелюдия. Завтра днём мы вместе с тобой вылетаем. У нас небольшая командировка. Клиент жела-

ет увеличить сумму, но отчего-то считает, что наша комиссия увеличиваться не должна.

– Придурок.

– Вот и скажешь ему это в лицо, – хмыкает Швед.

– Насколько командировка?

– Неделя точно, а там посмотрим, – говорит он и отключается.

Бросаю телефон в мойку и прислоняюсь лбом к стенке душевой.

В груди распускает свои щупальца тоска.

Неделя без Ангелины... Я сдохну.

Глава 9

#

– АНГЕЛИНА –

Первые три дня я сама не своя.

Как вообще так можно?

Одна моя часть шарахается от собственной тени. Я всё время ожидаю, что вот прямо сейчас откуда-то из-за угла выйдет Данте и одарит меня своей ненормальной улыбкой. Я до жути боялась встречи с ним и надеялась, что он забыл обо мне и оставил в покое.

Другая моя часть, какая-то извращённая, затаилась в ожидании и грезит о встрече с этим невозможным мужчиной. Снова хочу испытать те эмоции во время поцелуя, когда земля уходит из-под ног, остаётся лишь блаженство и невероятное желание. Я в тайне надеялась, что Данте скоро появится.

Но когда проходит третий день, и от него нет ни весточки, я, одновременно, рада и ужасно разочарована.

У меня раздвоение личности? Или начинается биполярное расстройство?

И все эти три дня я не могу думать ни об учёбе, ни о работе, ни о чём, кроме ярких, словно зимнее небо глазах, нахальной улыбке и самоуверенном поведении загадочного Данте.

Всё мое мыслительное пространство занимает человек, о котором я не знаю абсолютно ничего, кроме необычного имени.

Наверное, я бы и дальше о нём думала, а может быть, и нет. В любом случае, этого я уже не узнаю.

На четвёртый день в наш университет приезжает сын ректора.

Он в прошлом году окончил Оксфорд и по просьбе отца решил поделиться с нашим курсом опытом и рассказать о жизни, учёбе и работе в другой стране.

Демидов Александр Владимирович.

Нужно ли говорить, что в первый день, все наши девчонки сделали на него стойку, а на следующий день явились при параде, словно в универе объявили конкурс красоты?

– А ещё он крутой теннисист, – говорит моя одногруппница Кира на перемене. Как раз сейчас будет лекция от Демидова. – Я много слышала о нём. У него немерено наград и в спорте, и в учёбе.

– Мне кажется, я даже видела его имя в каком-то иностранном журнале, – расплывается в придурковатой улыбке другая моя одногруппница Леночка.

Пока мы болтаем и обсуждаем сына ректора, я не сра-

зу замечаю, что в аудитории становится тихо, хотя звонка ещё нет.

– Ох... У него просто шикарное тело, – шепчет мне на ухо Кира.

– Стол нам слюной не залей, – давлюсь я смехом.

Но на самом деле сама от девчонок далеко не ушла. Взглядом впиваюсь в шикарного брюнета и не могу отпустить его из поля зрения.

– Согласна, тело шикарное, – замечаю я тихо.

– Геля, не просто шикарное. Он – мечта. Я готова ему отдаться вот прямо здесь и сейчас, и плевать, что на нас все будут смотреть, – вздыхает Леночка. Достает из сумочки розовую помаду и подводит губы.

– Наверняка у него есть девушка, – грустно говорит Кира. – И узнай она о тебе, Ленка. Или обо мне, или о Геле, или о ком-то ещё, то сделала бы этой несчастной харакири.

– Кирочка, харакири – это ритуальное самоубийство. Его можно делать только самому себе, – хихикаю я. – Она скорее просто голову откусит и не подавится.

– А может, он холост? – подмигивает нам Лена.

– Всё может быть, – пожимаю плечами. – Но он классный, да.

«Классный» – мягко сказано.

Именно такие мальчики-красавчики украшают собой обложки журналов, демонстрируя всему миру нижнее бельё, а заодно и своё потрясающее тело и харизматичную мордаш-

ку.

– Кстати, я сегодня специально раньше пришла и видела его крутейшую тачку. М-м-м... Мечта, – чмокнула губами Лена. – Я бы умерла за такую машинку.

– Сегодня весь универ специально пораньше пришёл, – хохотнула Кира. – Все студентки, преподавательницы и даже уборщицы.

– Если у тебя папа – ректор, а мама трудится в каком-то жутко крутом закрытом научно-исследовательском центре – немудрено иметь соответствующие игрушки, – глубокомысленно говорит сидящий за нами наш одноклассник Никита. – И ничего в нём особенного нет. Тело, как тело, а морда слишком слащавая, что аж блевать охота.

– Ты просто завидуешь, что у тебя нет такого тела и такой сладенькой мосечки, – зловредно протягивает Лена и показывает Никите язык. – И вообще, не смей подслушивать нас.

Парень закатывает глаза и с сарказмом говорит:

– И это перспективные студентки, которым пророчат серьёзную и головокружительную карьеру.

Я смеюсь.

– Ник, даже серьёзным и перспективным ничто человеческое не чуждо. Дай полюбоваться и помечтать.

Я снова смотрю на Демидова.

До чего же впечатляюще он выглядит: высокий, но пониже Данте будет, широкоплечий, в кипенно белой рубашке, что обрисовывает тугие канаты мышц. Рукава закатаны до лок-

тей, демонстрируя всем сильные загорелые руки. Идеальные руки. Классические и модные брюки со стрелками так же лишь подчёркивают силу и красоту мужского тела, облегают всё самое необходимое...

Жгучий брюнет. С волевым, но идеальным лицом и каре-зелёными глазами. Улыбка – идеал стоматолога.

Богат. Красив. Успешен. Не обделён женским вниманием. У него великолепное будущее. И он прекрасно об этом знает.

Наверное, я уставилась на него так пристально, что он ощутил мой взгляд.

Демидов вдруг прекращает листать свой планшет и поднимает взгляд прямо на меня. Молодой мужчина видит, что я таращусь на него в упор.

Наши взгляды сцепляются, и я отчего-то не могу моргнуть или отвести взгляд, а он смотрит на меня. Тоже пристально. Вдруг он подмигивает мне и улыбается.

От такого внимания я заливаюсь алой краской смущения и наконец, прекращаю пялиться.

– Геля! – ахает Кира и толкает меня локтём. – Да он на тебя смотрит!

– Блин, Кира, отстань, – хмыкаю я и завешиваю лицо обрезанными волосами.

Теперь у меня стрижка как у француженок – элегантное каре. Мне, кстати, идёт. Девчонки сказали, что я стала выглядеть, как крутая фотомоделль. На это сравнение я лишь фыркнула.

После увлекательной лекции, которую слушали все без исключения с затаённым интересом, никто не спешил покидать аудиторию.

Хотелось слушать и слушать Демидова. Он был хорошим рассказчиком. Приятный тембр голоса располагал и вызывал ещё большее желание слушать.

Харизматичный. Умный. Потрясный.

С сожалением, что лекция закончилась, и Александр навестит нас только на следующей неделе, я закидываю в рюкзак тетрадь, ручку, планшет и следую за подругами, которые, делясь впечатлениями, грезят о своём распрекрасном будущем. И говорят мечтательно, что обязательно облетят весь мир. Как это сделал Александр – побывал во всех уголках нашей Земли.

– Егорова Ангелина Геннадьевна – это ведь вы? – уже на выходе останавливает меня голос Демидова.

Вздрагиваю от неожиданности, оборачиваюсь и пожимаю вдруг плечами, словно я забыла своё имя. Он точно моё имя назвал? Может, мне послышалось?

– Она! Это она! – говорят за меня подруги и толкают меня, чтобы скорее подошла к крутому мужчине.

– Простите, – произношу извиняющимся тоном. – Да. Егорова Ангелина – это я.

– Отлично, – говорит он, взирая на меня чуть насмешливо, но по-доброму, и ослепляет идеальной белозубой улыбкой. – Отец рассказал о вас, как об очень перспективной

студентке. Вы в курсе, что ректору, на ваше имя поступило несколько предложений от ведущих компаний столицы? Многие хотят заполучить вас к себе в стажёры, а далее и на постоянную работу.

Я киваю.

– Я в курсе только об одной компании, – произношу отчего-то вяло, словно я мямля. – Ректор... то есть... Владимир Александрович пока меня не известил, что поступили ещё предложения.

– Известит, – говорит Демидов младший. – Только меня не выдавайте, сделайте удивлённое лицо, что впервые слышите.

Я улыбаюсь и обещаю ему.

– Не скажу.

– Я приятно удивлён, что вы изучаете несколько языков сразу, в том числе и столь редкий, как арабский. Мало кто выбирает его из-за сложности восприятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.